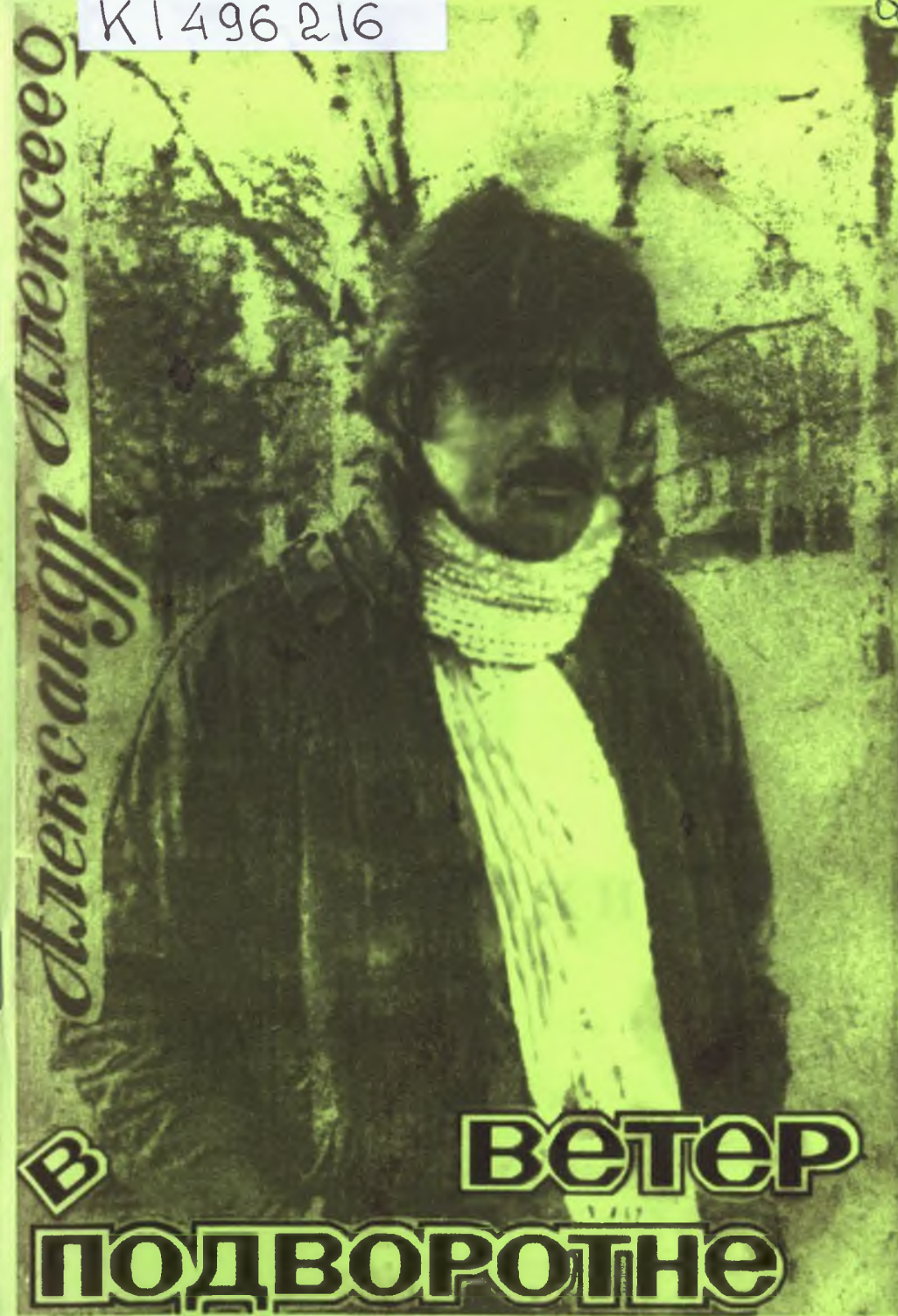
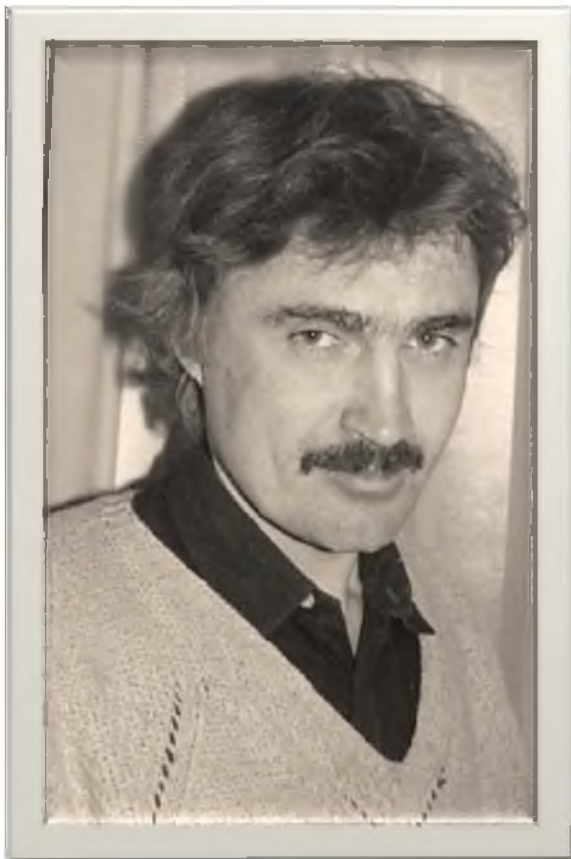

K1496 216

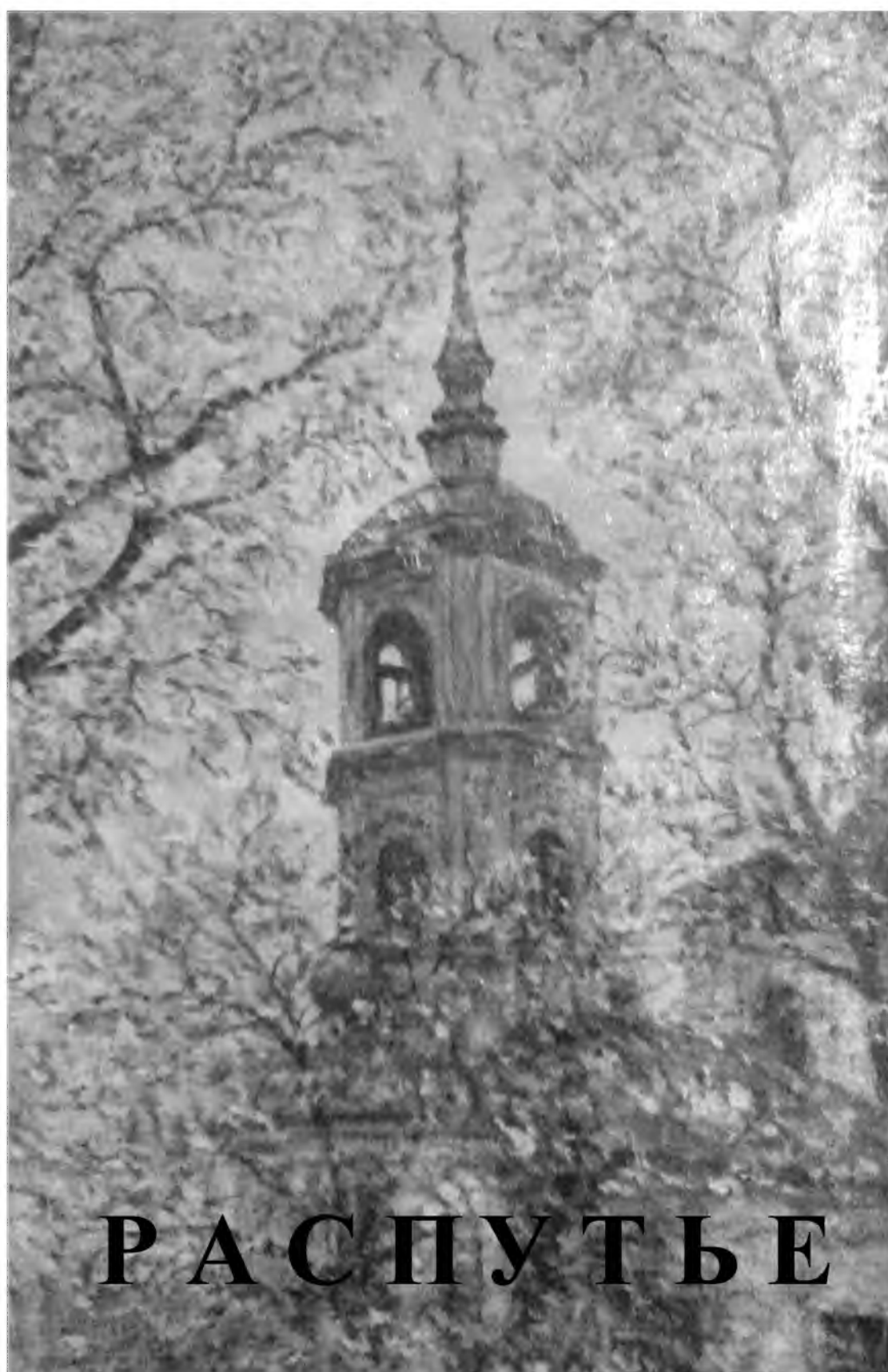

Александр
АЛЕКСЕЕВ

СТИХИ

ВОЛОГДА 2008

РАСПУТЬЕ

Что-то снилось мне русское поле...
Синий лес, ветхий домик вдали,
И над всем этим колокол стонет...
Нет, летят! То летят журавли!

А потом невысокий, негромкий
Снился город, огни вдоль реки.
Вечера на родимой сторонке,
И, конечно, конечно, стихи.

Снились голые ветки акаций,
Снился сон вековых тополей,
И закрытые двери редакций,
И открытые двери друзей.

А потом ресторан на причале,
Изречения хмельных мудрецов...
Что-то снилось мне в русской печали?
Может Вологда? Может Рубцов?

А я всё жду, но и сегодня
Лишь облака плывут вдали.
В свои родимые уголья
Не прилетели журавли.

Тоской придавленный и гнѐтом
«За что? – у Господа спросил –
Плач вдохновенного полѐта
Остался эхом на Руси?»

А я всё жду. Быть может, тщетно.
Успел влюбиться навсегда,
И каждый день тропой заветной
За сердцем прихожу сюда.

И здесь, сквозь слѐзы на ресницах,
Я, сын России, говорю
Свободным величавым птицам:
«Верните Родину мою!»

Но, как вчера, опять лениво
На небе плавится закат.
А по дороге журавлиной
Вороны серые летят.

Этот старый и пустой
Дом на речке тихой,
Он когда-то звался – мой,
Да забыл, поди-ка.

Не нашёл ответ всё равно.

Я решал всегда опрометчиво.
Как туманного счастья черты,
На ветру летели застенчиво
Так себе, пустые цветы.

Неужели осень? Неужели
Пролетит печаль высокой птицей,
И в её таинственном круженье
Замелькают дни, деревья, лица?

Невозможно, знаю, невозможно...
Эти чувства разные случаю,
Что же осень так неосторожно
Подружила красоту с печалью?

Одиноким, очень одиноким
Забредёт сюда холодный ветер
И сотрёт пленительные строки,
Как и нету осени на свете.

К сожаленью, право, к сожаленью,
Поутру опять туман разлился.
Неужели осень, неужели,
Пролетит, как сон, как небылица.

Ничего не разберёшь
В жизни этой, в мире этом,
Я прощаю этот дождь,
Что меня встречал с рассветом.

Я прощаю этот мир,
Где меня ты не любила,
И в дыму чужих квартир
Коротаю жизнь уныло.

И совсем не мой каприз,
А моя судьбе покорность,
Я прощаю этот мир
За бездарность и безвольность.

Всё простить хватило сил,
На душе, как будто, радость.
Я заочно смерть простил,
Лишь себя простить осталось.

Мне легко и будто снова, снова,
Улетает вдаль тоска полей.

Тихое, задумчивое слово
Я оставлю родине моей.

Не ловлю и прогонять не смею,
Пусть кружится мыслей череда,
Их, как будто давнюю потерю
Стая серых птиц несёт сюда.

Может, я чего не понимаю?
Или понимаю не спеша?
Одинокая во мне – я знаю,
Если есть, то – русская душа...

И судьбу, как будто, не просил я,
Только вдруг мне стало хорошо:
Вот проснулся посреди России
И по полю... Полею долго шёл...

Жизнь позади и город тихий зыбкий.
И говорить здесь много ни к чему.
Я ухожу с печальной улыбкой,
А приходил зачем? Всё ж не пойму.

Меня проводят нежные берёзы,
И тополя, прощаясь, вслед махнут.
И только ивы, вытирая слёзы,
На кладбище со мною забредут.

Уйду без боли и в душе, и в теле.
Всё позади. О чём тут говорить...
Но всё-таки, была ль на самом деле?
Я жизнь свою так и забыл спросить.

Не обжигают красные рябины,
Не согревает их заката нить.
Я приходил, чтоб лик земли родимой
Ещё одним крестом преобновить...

С. Козлову

Сергей, Сергей, протягиваю руку –
Как поздно наши встретились пути!
И всё же, говорю тебе, как другу:
Коль взялся за перо – тогда лети!..

Останутся твои штрихи и звуки
В томлении невыспанных ночей,
Где ангелы смиренно тянут руки
Под скрежет алчных, воющих мечей.

Я вижу – здесь одной печали мало:

Душа твоя в рисунках и стихах.
Печали две, но это лишь начало –
Бог любит Троицу во всех делах...

Не забеременей пустопорожней славой,
(Я это, впрочем, желаю и себе)
Ведь только время поступью упрямой
Расставит всех, согласно их судьбе.

Сергей, Сергей, ловлю на добром слове,
Пусть всё пройдёт, и всё же, чтоб ты
знал,
Что Алексеев скажет о Козлове:
Ломал он перья, значит, он летал...

Но смутные настали времена,
По городам, по деревням, по сёлам,
Россия стонет с задранном подолом –
Голодная и пьяная страна.

Кого винить? Кого на помощь звать?
Народ всегда своих вождей достоин,
Но для меня нет истины суровой,
Чем эту землю Родиною звать.

Но так уж есть – чего греха таить.
Все времена безжалостны и смутны:
В России вечно – не война, так бунты,
Но всё же – как её мне не любить?

И кто поймёт тревожные слова?
Кому отдать хотя бы долю скорби?
Россия! Родина! Хочу я спорить!
Но только ты всегда, всегда права.

Устав бродить средь улиц
вологодских,
Болит душа и скверно на душе,
Пойду туда, где грустные берёзки
На Пошехонском шепчутся шоссе.

Где кладбище лежит под облаками...
Среди травы притихшей и цветов,
Найду надгробье с верными словами,
Где лёг навечно Николай Рубцов.

И, может, мне привидится случайно
Живой поэт, смотрящий зорко вдаль,
Где Русь хранит свой лик необычайный,
И кружит в небе светлая печаль.

И вновь летит его душа живая,
Летит в стихах, подобно журавлю...
И от себя, совсем не ожидая,
Почувствую, что призраки люблю.

Ямщик

- Пошёл! - сказал и хлопнул по плечу.
И бубенцы залились под дугою.
Гони, ямщик, за всё с лихвой плачу:
За водку и за песню под луною.

То пыль, то грязь, то снег из-под копыт –
Российской стороною тройка скачет,
Сквозь годы и невзгоды путь открыт,
Но я плачу за видимость удачи.

Гони, ямщик, ты слышишь звон монет
И звон колоколов на старой церкви,
Тревоги нет и страха тоже нет,
Хочу взглянуть в глаза безликой смерти.

Ямщик, слегка коней поосади –
Стакан последний выпью без отрыва,
И вот уже Россия позади,
Но мчится тройка с песней до обрыва.

Как можно смеяться в такую погоду?
Как можно так громко в ворота стучать?
Хороший хозяин не выгонит сроду,
Плохую собаку за дверь ночевать.

Но кто вы такие? Зачем вы явились?
Шальные безумные гости мои:
Бессонница, грусть (и скажите на
милость –
Зачем вдохновенье с собой привели?)

Зачем я включаю настольную лампу
И вновь торопливо чиню карандаш?
И за ночлег я не требую плату,
Ах, гости, родные, сегодня я ваш.

Пусть где-то метёт и пусть где-то
заносит,
И воет, как сучка, седая пурга,
Но лампа горит. Вдохновение просит,
Чтоб строчка за строчкой ровнее легла.

И эти дурные, пленяющие звуки
Понятные только лишь мне одному,
Идут сквозь меня, и дрожащие руки

Стараясь, выводят за строчкой строку.

Не этот ли бред я потом прочитаю,
Когда веселились печаль и тоска,
И слышались звуки, подобные лаю –
Визжала, скулила, рычала строка.

И не было мысли спокойной и чёткой,
И ветер над крышей гостей ублажал,
И вдохновение пьяной походкой
Искало петлю или острый кинжал.

И всё разлеталось направо, налево,
В такую погоду не думать нельзя,
И я понимал – коль не нравится небу,
Становится адом и пухом земля.

Я влюбился, вроде –
Ночью мне не спится,
Только мимо ходит
Гордая девица.
И к знакомой бабке –
Бабушке-колдунье,
Я принёс подарки
И свои раздумья.
А она сказала:
- Завтра будь бодрее,
Спи спокойно, Саша,
Утро мудренее.
А потом наутро
Гордая девица
Посмотрела, будто,
Я всю ночь ей снился.
Подошла, сказала,
Опустив ресницы:
- Здравствуй, милый Саша,
Ночью мне не спится...

А Вы опять одна в такой чудесный вечер.
И вновь передо мной волнующая грань –
Пушистый синий плед, окутавший Вам
плечи,
Открытое окно и белая герань.

Последний солнца луч – он только мне
понятен,
Всё в мире не на век, всё в мире лишь на
час,
А я сегодня трезв и, кажется, опрятен,
Но лишний раз взгляну и испугаю Вас.

Неосторожный жест нелеп и безрассуден,
Я нелегко вздохну, ведь мне не всё равно,
Что вечер, правда, мил. Что Вас со мной
не будет...
Вы, не полив цветы, закроете окно.

В забытой церкви, запертой до срока,
Из смрада, тенеты возник...
Сидел и думал дьявол одинокий,
Слюнявый высунув язык.

... И вот, как сон, безбожная дорога,
И полумгла со всех сторон,
И тишина, как злая недотрога,
В глазах закарканных ворон.

Приходит страх кладбищенский и
тёмный –
Гниющий без ограды крест,
На холмике, травой заросшем сорной,
Седая ведьма сердце ест.

А чёрная улыбчивая кошка
Бесшумно ходит по пятам.
И смерть свою, нелепую немножко,
Как наяву я видел там...

Колодец

Я страдал, словно горький пропойца,
Пить хотелось, как сроду не пил.
Вон, колодец стоит за околицей –
Счастья тем, кто его мастерил!

Жарким днём может всяко почудиться,
Только тут подтолкнула судьба,
Я нагнулся и вздрогнул от ужаса:
Я в колодце увидел себя...

Ну, здравствуй, что ли, невесёлый дом,
Где я один среди пустых бутылок,
На этом свете или же на том,
Соображая, свой чешу затылок.

Обрывки мыслей с криками гурьбой
Несутся, натывая друг на друга,
Консервов банка, шнур над головой,
У двери почему-то шмотки друга.

Нелепо было праздное вино,
Отравлен сон, разбито настроенье,

А в тёмное, немывтое окно
Голодное стучится вдохновенье.

Наверное, уже прошла пора
Ослабить боль невидимого груза,
На острие похмельного пера
Сюда слетит доверчивая муза.

Запру на ключ свой равнодушный дом
И удивлюсь – ты всё ещё одета?
Не будь наивной, как-нибудь потом,
Расскажешь всем, как не спалось с
ПОЭТОМ.

В. Дружинину

Мой друг, поверь – всё выпито, всё
спето,
И мы проснёмся с трезвой головой.
Весна прошла. Как вихрь промчалось
лето.
Уже не так мы встретимся с тобой.

Покроет осень золотом вечерним,
Оближет дождь закрытое окно.
И будет за окном лишь тень веселья,
И снова будет красное вино.

Не вспоминай, что скрыто паутиной,
И полный мне не наливай бокал,
Уже в далёкой солнечной гостиньке
Зелёный кенар песню оборвал.

Как хочешь ты, а я уже не верю.
Придёт весна, не будет той весны.
Уйду в свою задумчивую келью,
Досматривать несбывшиеся сны.

Не сломит – нет: ни кость, ни плоть,
Необъяснимая порода,
Не признавая рабства цепь,
На тёмный лес глядит свобода.

Сверкнёт, как лезвие ножа,
Голодный взгляд у миски полной,
У псов поджилки задрожат,
Заглохнет лай самодовольный.

А ночью прямо до небес
Взойдёт луна, и вой протяжный.
Зовёт и тянет тёмный лес,

И всё кругом уже неважно.

И будут когти землю рвать,
Клыки ломаться о железо,
Ведь за свободу умирать,
Ещё всегда бесполезно.

На землю лягут кровь и шерсть,
Ошейник насмерть сдавит глотку.
Покуда силы, зубы есть,
Где запах псов, нет места волку.

Сквозь рыжую осень аллея.
Весь парк – откровенье природы,
И что-то дыханье слабеет,
Давая душевные всходы.

Загадочно падают листья,
Полёты заманчивы вечно,
Людские уносятся мысли,
Паря, словно листья, беспечно.

И словно они начертали
В размытых тонах полусвета
Живую и, может, в печали,
Ту тень дорогого поэта.

И всё мимоходом: и осень,
И листья, и мысли... Игрушки.
Их ветер, балуясь, уносит.
Не мимоходом лишь Пушкин.

Опустите сходни моему коню,
Кончилась Россия, люди на краю.
Красные ломили, как девятый вал,
А корабль последний в море отплывал.

И кричал поручик, и стрелял он вверх,
А потом сквозь слёзы взял на душу грех,
Посмотрел печально в верные глаза
И, быть может, что-то нежное сказал.

Только друг не понял и поплыл вперёд.
Кони – они тоже преданный народ...
Не кричите чайки, вам ведь не понять
Кто сегодня будет в свой висок стрелять.

Где-то останутся улицы шумные
И городские знакомые пьяницы,

Годы прозрачные, годы безумные.
Смутная память, наверно, останется.

Девы любимые, девки любившие:
И небольшая меж дурами разница,
И голубиные стаи над крышами,
Детства мечта тоже где-то останется.

Пусть остаётся собор обезглавленный,
Старый мой дом и соседка-красавица.
Где-то в тепле на диване продавленном
Призрачное вдохновение останется.

Я уйду одинокий, безжизненный.
Время расстаться и время покаяться,
Где-то останутся строчки капризные,
С ними душа непременно останется.

На небе вновь отравленные зори,
А на земле разбитая стезя,
Как много я успел попортить крови
Своим родным, любимым и друзьям.

Зачем сегодня снова снег и ветер?
И почему моей дороги нет?
Я верю в жизнь, но только после смерти.
Зовёт меня потусторонний свет.

Зачем ищу ненужные ответы?
Зачем себе я понапрасну вру?
Зачем вообще живу на свете этом?
Мне здесь ходить и думать на ветру.

Не торопись, закат негромкий,
Останься, розовая грусть,
Что приуныла ты в сторонке,
Белёная девчонка-Русь?

Пойдём гулять средь ночи белой
В страну кукушки и берёз.
Там расскажу, как ты умела
Любить меня до самых слёз.

Пойдём со мной, моя невеста,
Где снится тихая печаль.
Поверь, я знаю это место,
Где умереть и жить не жаль.

Опять мне что-то странно

И снова я пишу,
И мыслям безымянным
Названия дать спешу.

Они легки, как ветер,
Несутся в голове,
Но лишь поймает – пепел.
Не в сердце – на руке.

Когда-нибудь покаюсь,
И кто-нибудь поймёт,
Что, может, зря стараюсь
Их оборвать полёт.

Своей рукою дерзкой
Им надломив крыло,
Бессилю в отместку
Гоню их под перо.

Ложатся лишь обрывки
Невыдуманных слов
Я вижу лишь ошибки
Исписанных листов.

Но где слова, что надо,
Кто их благословит?
Чтоб вспыхнула бумага,
Иль плакала навзрыд.

Тетрадь открыта, сядь и напиши,
Что ты не можешь ничего понять,
Ни этот мир, ни Божью благодать,
Тем более понять своей души.

Что мечутся бессильные слова,
Как бабочки ночные за стеклом,
А их судьба горит под потолком,
Жестокая, но яркая судьба.

Тетрадь открыта, хочется рыдать,
Опять родятся мёртвыми стихи.
Они, как пыль, безжизненно легки,
Ах, лучше бы об этом и не знать.

Не с колокольни даже, не с моста,
Мне кажется, что кончится вот-вот
Моей души бесславный перелёт
На хрупкий наст тетрадного листа.

Здесь за кладбищенским забором
Кладбищенская тишина.
Унылые сидят вороны,
Унылая здесь сторона.

Без позолоты купол древний,

Давно уж церковь не бела,
Прихода нет, и нет деревни,
И сняты все колокола.

Здесь все мертво под небом синим,
Ржавеют звёзды и кресты.
Ужели здесь моя Россия?
Ужели ей принёс цветы?

Слепой котёнок среди матёрых крыс,
Здесь можно жить, но есть ли в этом
смысл?

Устал, устал, безжалостно устал,
Забыть бы всё и броситься со скал.

Забыть людей, забыть весну, рассвет,
Забыть невыносимый солнца свет.

Но люди рады солнцу неспроста,
Ведь это солнце жалило Христа.

Темно в глазах от радужных колец,
И всемогущий близится конец.

Скорей бы мрак, скорей бы как-нибудь
Начать без жизни новый, чистый путь.

Смейся, Русь, сильнее, звонче смейся!
 Это не единственная блажь.
 Всё несётся матерная песня,
 Дикий, истерический кураж.

Смейся, Русь, тебе одна утеха,
Пропивай последние гроши.
Всей земле на радость и потеху
Крест нательный, душу заложил.

Смейся, Русь, великая держава,
Светлые дороги впереди.
Серп и молот ты в руках держала,
А теперь их носишь на груди.

Смейся, Русь, сильнее, звонче смейся!
Краснозадый догорает день.
Ты проснёшься, сложишь лучше песню,
Если вдруг тебе не станет лень.

Над городом тучи повисли,

И осень – сомнений пора.
Печальные, жёлтые листья
Метёт старичок со двора.

А рядом сидит, не мигая,
Его верноподданный пёс.
Прохожим хвостом не виляет,
Наверно, задумчив всерьёз.

А может, когда-нибудь также
Останется мне до конца
Метла, да незлая дворяжка,
По праздникам стопка винца.

Смотрю и смотрю я в окошко,
И слёзы вот-вот потекут.
А он разметаёт дорожки.
Сходить бы, помочь старику.

Накинул дождик серый плед
На грустные дома,
И весь промокший свет не свет,
Стоит как будто тьма.

А взгляд запутала земля,
И не мои шаги.
На лужах лишь следы дождя.
Круги, круги, круги.

Но не смывает дождик. Нет
На памяти следов.
И боль уже вчерашних бед
Так далека от снов.

Гонимый всеми скучный день,
Заплаканный идёт,
И нет теней, и всюду тень
Мечты, подбитой влёт.

Как внутренний нарушен мир
От сердца до виска.
Все тянет, тянет, как вампир,
Тоска, тоска, тоска.

Зовущий взгляд не обожжёт,
Амуры сложат крылья.
И захохочет злобно чёрт,
Помои в душу выльет.

И всё равно, куда бежать

В горячей лихорадке,
Желанье только заражать
Своей душою гадкой.

И сатана хохочет всё
И дразнится рогами.
С кем другом был вчера ещё,
Становимся врагами.

И бедный, бедный, бедный Бог
Забьётся в угол дальний,
Его печальный мудрый вздох,
Как будто – поминальный.

Давно уже не стало тех,
Которые со мной молились,
Которые со мной садились
И свято верили в успех.

Но кто тогда предвидеть мог
Всю тяжесть наших испытаний,
Всю бесполезность заклинаний,
Когда не видел даже Бог.

Я голову срубить отдам,
Нас неземной карал создатель,
Кто оказался не предатель,
Тот навсегда остался там.

Где поступь давящих шагов,
Земля дрожала, выло небо.
Но я отстал, но я там не был,
На страшном пиршестве врагов.

Я, верно, в этом виноват,
Что перепутал жизни сроки,
Мне выстроить бы храм высокий,
Но, Господи, я не богат...

Ну, что ж, сегодня не обласкан.
И пусть не принят при дворе.
Твоё перо другой окраски,
Так много гадкости в тебе.

Тебя клюют и щиплют больно,
Нигде прохода не дают.
Росли бы крылья, чтобы вольно
Над этим миром мне вспорхнуть.

Ах, птичий двор, земные птицы,

Им, бедолагам, не понять,
Куда несутся вереницы,
Да и вообще, зачем летать?

Ты их прости, и без оглядки
Великодушьем жизнь измерь.
Сегодня ты утёнок гадкий,
А завтра – лебедь белый, верь!

Я коней раскормил, не подняться им в гору
И бессмысленным будет далёкий объезд.
Хоть кричи, хоть реви, не убраться позору,
Выдаёт меня Бог, и свинья меня ест.

И поди, докажи, что не я тут виною,
Ведь никто не поймёт, отвернутся друзья.
И не быть никогда мне за этой горою,
Не скакать, не лететь и разбиться нельзя.

Ах, куда мне теперь, что ж вы продали,
кони?
А ведь я вас берёг и кнутом бить не смел.
На отборном зерне вы стояли в загоне,
Бог свидетель тому – я, как лучше хотел.

Позабросив вдохновение,
Я забуду горький плач,
Легкомысленное пенье,
И мечты безумной скач.

Я останусь некрылатым,
Упаду к тебе с небес,
Ну, а ты мне дашь лопату,
Ну, а я вкопаю крест.

Ночь разбежалась по углам
От маленькой свечи.
Чтоб мы поверили глазам,
Любимая, молчи.

Не верь забвенью моему,
Но тишину не тронь.
Пустое место тает тьму,
Ведь пустота – огонь.

Как застывает гордый свет,
И горд он неспроста,
Где тишина, там ветра нет,
Но ветер – пустота.

Какая ласковая ночь!
Ты посмотри скорей,
На той стене, как наши в точь,
Слияние теней.

Рыдай, свеча, но лишь гори.
Я об одном молю.
Родная, милая, смотри,
Как я тебя люблю!

Моя печаль, моё безверье,
Мой одинокий странный путь.
И не туда всё вдохновенье,
И всё, что есть, то как-нибудь.

На плахе, лжи разделив тушу,
Лишь умирая, отрекусь.
Глаза закрыв, открою душу
И, может, истиной упьюсь.

И ночь придёт холодной бездной,
Как совершенство моих грёз.
Не разглядеть, всё бесполезно,
Земли, небес, луны и звёзд.

Нет ничего, и правды нету
Или дано понять не всем.
Точнее, просто нет ответа,
Точней, не нужен он совсем.

А новый день опять родится,
Когда на утренней заре
Я умираю. Пойте птицы.
Не надо грусти обо мне.

Я Вас учил летать сегодня,
А завтра улетели Вы
От одинокого надгробья,
Где мои чувства сожжены.

Я сам отдал Вам эти крылья,
Воспел, вознёс под небеса.
А завтра, завтра день унынья,
Грядёт разлуки полоса.

Я вижу, Ваш полёт прекрасен,
Вы вдохновения полны.
Я горд, что к этому причастен,
Но... завтра улетели Вы.

Я плакать хочу, а приходится петь.
Среди равнодушных улыбок
Единственной нет, и значит, что впредь
Не сделаю новых ошибок.

И мне всё равно, что куда-то зовут
И воля, и разум отчасти.
Я видел, я знаю, чего принесут
Азартные скачки за счастьем.

И пусть не поймут, и осудят пускай,
Что я не желаю быть первым.
Быть может, когда-то давно, невзначай
Не выдержав, лопнули нервы.

Где конь проскакал, там примята трава,
И пылью дорожной покрыта.
Безумной была на плечах голова,
Но стенка стоит, не пробита.

Вся жизнь – ипподром, и не стоит жалеть,
Что случай – попутчик неверный,
Я плакать хочу, а приходится петь,
О том, как пытался быть первым.

Под утро светят фонари,
Под утро многое нелепо,
Под утро я скажу «Прости»,
А вся любовь лишь кучка пепла.

И, не уверенный ни в чём,
Себя насильно одеваю,
Чужую дверь чужим ключом
Под утро я не запираю.

Как далеко слышны шаги,
Как будто я и здесь, и всюду.
Под утро слепнут фонари,
И я ослепнуть не забуду.

Судьба поставила подножку,
Чтоб я о ней не забывал.
Пустила «утку» или кошку,
А, может быть, девятый вал.

Опять упал и встал непросто,
И все кругом вдруг стали злей.
Как нелегко под этим солнцем

И в мире, средь чужих людей.

Никто не верит, всё без толку,
Никто не хочет понимать.
И мне, как одиночке-волку,
Своими тропами плутать.

Не надоест гоняться слепо
И от добра искать добро.
Уймись, моя судьба-калека,
Мой крест... – моё ярмо.

Как жить не хочется порою,
До крови губы искусаю,
И лишь мой Бог всегда со мною,
А с ним и я немножко прав.

А ветер роскошно листвою сорит,
Шатается всюду и пьян он и груб.
И я в ожидании, что, может, слетит
Улыбка прощенья с накрашенных губ.

Окуталась ты пеленою дождей.
В озябших глазах лишь приметы тоски.
Одна ты в тумане средь пасмурных дней
Горда и прекрасна, всему вопреки.

А сердце трепещет, как жалкий листок,
Готово сорваться, забывшись, лететь
В багряный ли, жёлтый ли, бурый поток,
Быть может, упасть и, наверно, сгореть.

Я снова опавшие листья топчу,
Мечусь, словно призрак, в осеннем
дворце.

Оставив надежду, понять не хочу,
Что – дождь или слёзы – на мокром лице.

О, как же мне нужно прощенье твоё,
Чтоб жизнь возвратилась, и стало теплей.
Но, если сполна заплатить за него,
Не хватит мне золота осени всей.

Летает злая тень судьбы
Над всем, куда я взгляд ни брошу.
Моя душа, бессильна ты
Понять меня, что я хороший.

Как мне с тобою нелегко,
Но, невозможно не считаться.

И не поймёт меня никто,
И самому не разобраться.

За что такое горе мне?
Зачем калечу свои чувства?
И вот уж, корчась на кресте,
Душа глядит устало, грустно.

Настало время умирать
Чему-то близкому, родному.
Кто может сердце в руки взять,
Я не завидую такому.

Грешит судьба, ну, что ж, грешу.
Она так, видно, захотела,
Чтоб над распятием души
Расхохоталось моё тело.

Последний вечер

Хрустальные бокалы сполосну
И в комнате побрызгаю духами,
Но дней минувших горькую тоску
Не спутаешь шампанским и цветами.
Воспоминанья грустные легли,
Как лепестки цветов, давно увядших.
Ты помнишь и, пожалуйста, не лги,
Как ты держала их в руках озябших.

Как злилась вьюга в сумраке ночном,
Как оказались мы её сильнее.
Чем холоднее было за окном,
Тем становилось нам с тобой теплее.
Задумавшись, ты смотришь на свечу
Своим чужим, непостижимым взглядом.
Я не желаю, слышишь, не хочу
Остаться без тебя с тобою рядом.

Не правда ли, шампанское горчит,
Не правда ли, нелепы разговоры.
Скажи хоть что-нибудь, но не молчи,
Не опускай ресницы, будто шторы.
Сквозь синий дым поласковой взгляни,
Нарушь уже неловкое молчанье.
Ты очень много куришь, извини,
Что делаю тебе я замечанье.

Давай, помянем павшую любовь
Прощальным звоном полного бокала.
Ушедшее не возвратится вновь.
Где больно было – заживает рана.
Хрустальные бокалы сполосну
От пыли, накопившейся годами,

Как узнать мне душу? Как вычислить?
Угадать невидимый мир?
Где с её проклятыми мыслями
Я, как ангел. Я, как вампир.

Необузданных дум дичание,
Одиночества сладкая кость,
Но истерзанному тщеславию
Приползла на подмогу злость.

Покусала всё, искалечила,
Но страдаю не я, другой.
Кто сказал, что не легче так?
Пусть гордится своей душой.

У мечтаний судьба короткая
И затравленные глаза.
В них уже навернулась кроткая,
Может, искренняя слеза?

Я устал, всё приелось, вроде бы,
Страшно мне, и закрыта дверь.
Но из форточки белым голубем
Я взлетел бы, да не теперь.

Не узнать мне душу, не вычислить,
Незаметно так, чтоб не знал
Прямо в сердце мне, кто бы выстрелил,
Чтоб не мучаться, наповал.

Прямо в пыль упали слёзы,
Дорогие жемчуга,
Покатались и серьёзно,
Это слёзы – не вода.

Жизнь хлестала, как нагайка,
Только, Боже сохрани,
Ох, не верь ты мне, хозяйка,
И, как раньше, не люби.

Я чужое счастье мерил,
Я завидовал другим.
И своим нутром проверил
Горечь красную рябин.

От чертей из подземелья
В облака я улетал,
Но под ангельское пенье
Только крылья обломал.

Не зажив, болячки стонут,
Ты, хозяйка, не гони.
Мне маячит чёрный омут
В необузданной дали.

Я опять на перепутье,
Снова надо выбирать.
Не ломаясь, гнутся прутья,
Но возможно жизнь сломать.

Я чужим богам не верил,
Только взоры поднимал,
Словно там, на звёздном небе,
Кто-то рок мой начертал.

Жизнь хлестала, как нагайка,
Только, Боже сохрани,
Ох, не верь ты мне, хозяйка,
И, как раньше, не люби.

Музыкант

Вы возьмите аккорд, словно рюмку
вина,
В беспризорное сердце пролейте.
Я мелодию эту выпью до дна,
Музыкант, Вы души не жалеите.

Ни своей, ни моей. Мы друг друга
поймём,
Встрепенёмся, как птицы на ветке.
Прослезятся глаза, засорятся огнём,
Обжигая уставшие веки.

Я забыл, что живу, зная, не жил всё равно,
В скучном сне год за годом, теряя,
Слышал, что есть любовь, только очень
давно,

Музыкант, расскажи, где такая?

И поверю я Вам, как себе самому,
Хоть я верить давно разучился.
Блеск напыщенных фраз уводил лишь во
тьму,
И, конечно, с дороги я сбился.

Мой родной музыкант, Вы зовёте туда,
И я слепо иду и покорно,
Где от звуков живых так прозрачны слова,
Там, где тени бросают аккорды.

Там, где плоть и душа воедино слились
И друг другу каются слёзно,

Где, сгорая дотла, начинается жизнь,
И её изменить так не поздно.

Говори, говори, человек неземной,
Говори всею силой таланта.
Я как будто не спал, что же было со мной?
Опустилась рука музыканта...

Ах, как хочется бросить камень!
Да швырнуть бы ненаугад.
Вот такой вот я вредный парень,
Вот такой вот отпетый гад.

Чтоб летели везде осколки,
Чтоб звенело у всех в ушах.
А потом пошли кривотолки:
С чёртом пил он на брудершафт.

Разлетелась бы, что ли, в клочья
Богом проклятая душа.
Что собачья судьба, что волчья,
Одинаково не хороша!

Ах, как хочется бросить камень!
Да швырнуть бы ненаугад.
Вот такой вот я вредный парень,
Вот такой вот отпетый гад.

В тот вечер я не мог напиться:
До злости пресное вино,
В нём было легче утопиться,
Чем дальше распивать его...

И что так вдруг холодной жабой
Бокал мерещится в руке,
На дно его осадком ржавым
Ложится память обо мне.

Далёкий шум, как отголосок
В кругу хмельных знакомых лиц.
Вдруг чей-то гроб из серых досок,
А перед ним – Мадонна ниц.

Зачем ты здесь, моя родная?
Не я ли досками забит?
Куда рычит собака злая?
О ком церковный хор молчит?

И словно нету рядом Бога,
А значит, утешенья нет.

И всё пылит, пылит дорога,
Моя дорога на тот свет...

Вино течёт, бокалы полны.
Кругом друзья, но я не здесь.
Меня сегодня ночью тёмной
Пришла собака злая есть.

Я что-то замерзаю в тёплом доме,
Меня не греет что-то изнутри,
И бьётся сердце, будто бы в ознобе,
И тишь, и блажь, с ума бы не сойти...

Глаза ворожит свеч зажжённых пламя,
На тень души, отбрасывая блик,
Я словно в пасть лечу бездонной ямы,
И застревает в горле дикий крик.

Так осторожно вдруг часы пробили,
В их звоне слышен времени упрёк,
И стрелки на мгновение застыли,
Дав мне на сумасшествие намёк...

Что это, сон с открытыми глазами,
Где каждый нерв охватывает страх?
Кошмар берёт холодными руками
И разум оборачивает в прах...

Чужая тень гуляет по квартире,
Бормочет, половицами скрипит,
Слух напряжён, глаза открыты шире,
Того гляди, рассудок улетит...

Всё исчезает, вместе с тем терпенье,
Стакан граненный до краёв налит.
Я сам с собой пускаюсь в откровенье,
Пишу, что помню, хоть рука дрожит.

Бумага терпит мой корявый почерк,
По ней струится моей думы нить,
Я свои мысли беспощадно порчу,
Пытаясь, впрочем, как-то сохранить...

Я сегодня пить отказался
Этот вечный красный портвейн.
Может, я до слёз доигрался,
Может, стал хоть немного умней.

И не будет родного похмелья,
Всё равно не поверит никто,

Чтобы я у порога веселья
Отказался выпить вино.

Столько дней пролетало без толку,
Я не знал, что такое тоска,
Отдавая червонцы за водку,
Никогда не дрожала рука.

Мне на всё не придумать ответов,
Поутру охлаждается пыл,
Но от пьяных дурацких букетов
Я давно уж душой изныл.

Я забуду пустые обиды
И не вспомню, наверное, нет,
Может, Светы, а может, Марины
Зацелованных губ спелый цвет.

И прощу, как меня простила,
Ведь насильно не будешь мил,
Ту, которая попросила,
Чтобы больше я не ходил.

Схороню бесшабашную юность,
Помяну стаканом вина,
Выпью, сморщившись и зажмурясь,
Но по старой привычке, до дна.

Вновь печаль усталым вечером,
Не спеша, мне сердце балует.
На сырой асфальт доверчиво
Листья медленные падают.

Полупьяный, полуискренний,
Нераздавленный, несломанный,
Не хочу собраться с мыслями,
Лица увидеть знакомые.

Пусть сегодня одиночество
Ублажает душу скверную,
Просто мне напиться хочется,
Было так у всех, наверное.

В ресторане перед зеркалом
Вьётся локон так затейливо.
И навстречу взгляд кокетливый,
Ненавязчивый, уверенный.

Ах, надежда бесполезная,
Незнакомая, занятная
И случайная и трезвая,

И такая непонятная.

Чёрт возьми, ещё шампанского!
Бог, прости шального пьяницу!
Но ведь всё же жизнь прекрасная,
Если в ней увидишь разницу!

Растасуй мне колоду краплёную,
Обмани, расцелуй, напои.
Подари же мне ласку дешёвую
И неправдой своей обмани.

Чтоб не видеть, а только мерещилось,
Чтобы явь не колола глаза.
Чтоб не жалость была, только вежливость,
И текла неживая слеза.

Дай на время улыбку фальшивую,
Зло, порок, слащавую лесть,
Чтобы стыд не смущал душу лживую,
Чтоб зафыркали совесть и честь.

В этой жизни, как в сказке живётся,
Где любимая пудрит мозги,
Ты споткнулся, а друг отвернётся
Предают нас отнюдь не враги.

Я не верю ни в чьи обещания,
Мне не верится в вещие сны.
Мне приносят одни лишь страдания
Повороты брюнетки-судьбы.

Эта долгая лунная, зимняя ночь.
Странно так. На душе что-то есть, но
всего понемногу...
Резво тройка гнедая уносится прочь.
Жаль, что пьяный ямщик второпях
перепутал дорогу.

Я ведь только несчастлив, но горд и не
глуп.
Будет жизнь впереди. Только что-то
навсегда исчезло.
Ночь висит на плечах, тяжела, как тулуп,
И не слышит ямщик, и кричать ямщику
бесполезно.

Но ведь в юности каждый по-своему
пьян,
Это только потом станут мысли

ничтожно убоги.
Эй, ямщик, где бутылка твоя, где стакан?
Ты пойми, дорогой, что не будет
обратной дороги.

Сомкнулись брови, вспыхнули глаза.
Его так трудно стало понимать.
Визжат слова, как будто тормоза,
Которым ничего не удержать.

Без церемоний пьёт ещё стакан,
Течёт, как в прорву, горькое вино,
Он всей душою рвётся на скандал,
Клянёт себя и мир весь заодно.

И хлещет страсть слюною изо рта,
И всё кругом – какой-то пьяный бред.
И непонятно, кто сошёл с ума,
И неужели это вот – поэт?..

Ещё затяжка, хаос тишины,
Как в облаках, из-под своих венцов
Его святые смотрят со стены –
Сергей Есенин, Николай Рубцов.

Одиноко и даже нежно
Заунывный такой и тусклый
Плыл мотив, унося надежды,
Плыл мотив стороны не русской.

От вина ли? От слёз ли лужи?
Скатерть белая промокает.
Всем молчать, только слов не нужно,
Моё сердце себя съедает.

Ах, как больно и, ах, как горько
Я гуляю в своей неволе.
- Человек! Мне бы русской водки.
Мне бы тройку к подъезду, что ли?!

Не понятно? Ну что ж, не надо,
Для неё тогда белый танец.
Что, сударыня, Вы не рады,
Я сегодня здесь иностранец.

Отдаю свой последний рубль,
Но ни мне, ни рублю нет веры.
И ухоженный, словно пудель,
Мне швейцар открывает двери.

Но не надо мне в душу капать,
В ней от правды не станет чище,
Вы плесните туда винища,
До утра со мной будет плакать,
Понимать меня пьяный нищий.

Ты грустишь, я знаю, обо мне.
Мама, мы не виделись давно.
Жизнь течёт и горькое вино.
Может, мама, истина в вине?

Может, всё не так нехорошо?
То, что позади, не станет злей,
И над жизнью сломанной своей
Будет, к сожалению, смешно?

За окном метёт уже весь день,
Оказалось, что пришла зима,
Вьюга, словно сучка без ума,
С диким воем шляется везде.

Холода, повсюду холода,
И бутылка водки на столе,
На такой вот проклятой земле
Я очнулся, вроде бы, вчера.

Мама, ты прости, что я не лгу,
Что сегодня снова буду пьян.
И дрожит рука, в руке стакан,
Я, наверно, скоро не приду.

Отпустите меня в непогоду.
Там, где вьюга колдует седая.
Я пойду пьяным мыслям в угодую.
Не бывает безбожного рая.

Дикой ночи распутное пенье,
Словно тут обезумели твари.
По сугробам крадётся сомненье –
За столом не меня ль поминали?

Не последний ли раз по бокалам
Разливался портвейн золотистый?
И гадала цыганка, гадала,
И так грустно брэнчало монисто.

Знать, дорога моя – роковая.
Только лютая вьюга навеки,
Обезумев, скулит, как живая,
Как о кончившемся человеке.

Но тлеет жизнь, как будто сигарета.
Я за собой не чувствую греха.
Ещё одна минута до рассвета,
Минута до рождения стиха.

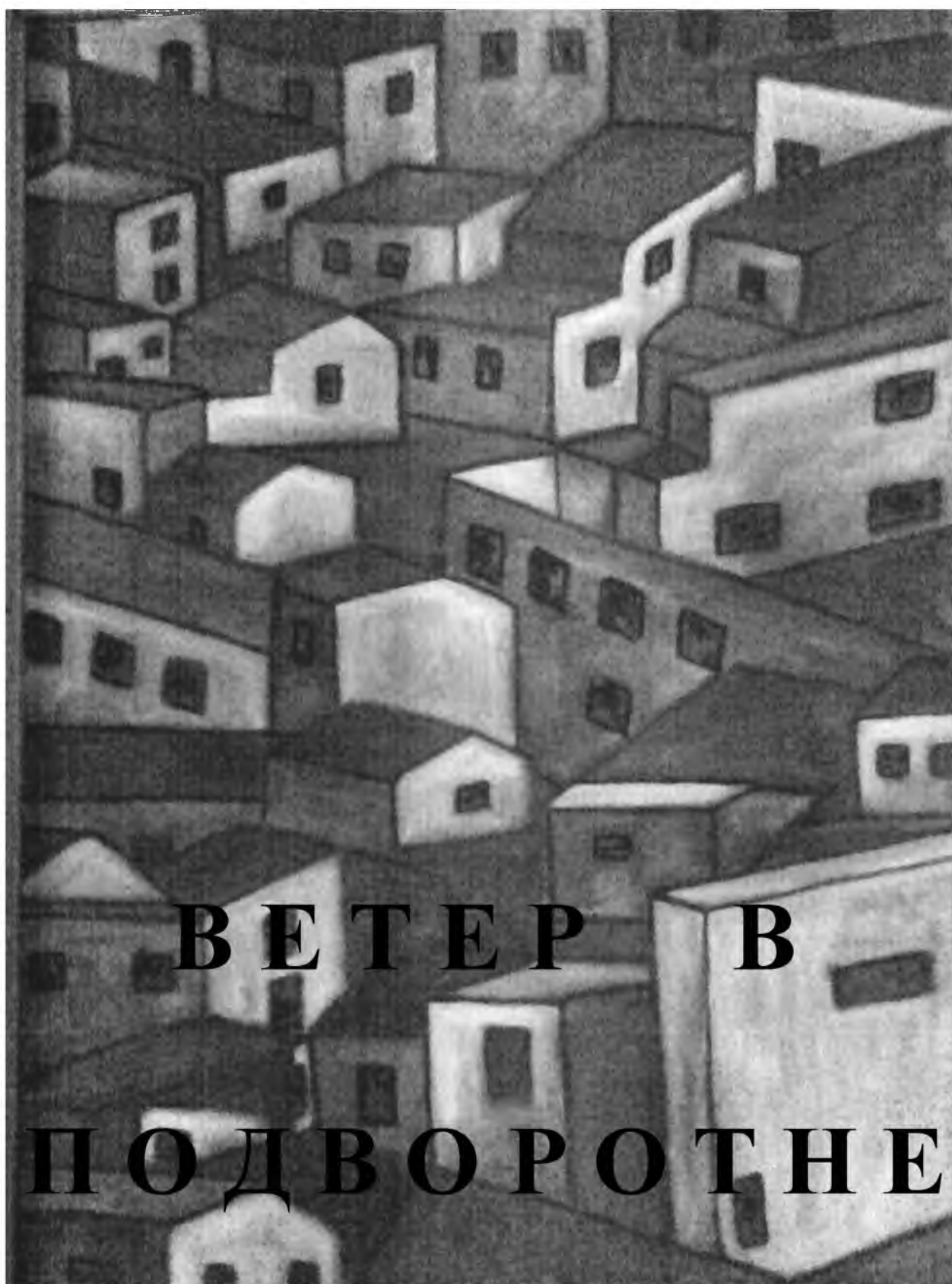
Ещё есть время обо всём подумать.
Ещё есть дым – нет дыма без огня.
И напоследок карты перепутать,
Когда помру, полюбите меня.

Ещё глоток дешёвого портвейна.
И наглая улыбка сатаны.

На кладбище по мне тоскуют вербы
В тумане предрассветной тишины.

Ну, всё, пора, пора поставить точку.
Случайна жизнь, случаен мысли бег,
Как ночью месяц бродит в одиночку,
Так в одиночку счастлив человек.

Истлела жизнь, как будто сигарета.
Кому летать, кому в огне гореть.
Но лживый мир остался без ответа,
На исповедь дорога – только смерть.

ВЕТЕР В ПОДВОРОТНЕ

ВЕТЕР В ПОДВОРОТНЕ

Усадьба

Не тает снег на каменных ступенях,
Пропавший, первый, нехолодный снег.
Здесь тишина уснула на коленях
И кажется уснувшею навек.

Я не был здесь, мне нечего здесь
помнить,
Но незаметно вдруг подкралась боль.
К уставшей и ушибленной колонне
Я приложил в раздумии ладонь.

Уходит век, об этом написать бы,
Но грусть случайная пройти должна,
И я хочу, чтоб в глубине усадьбы
Вдруг рассмеялась юная княжна.

Вновь осень развела прощальные костры,
И журавлиный клин торжественно
тоскует,
Остывшие поля пустынно и грустны,
И юная совсем художница рисует...

Порою одному так хочется побыть,
И проглядеть глаза в размытые просторы.
Над этою землёй моей печали плыть,
И ей не улететь и не растаять скоро.

К забору прислонясь, с охоткой закурю,
Неведомо чего с тревогой поджидая.
Как будто первый раз на родину смотрю:
И слушаю её, и слышу, что живая.

Ведь каждый, всё равно, заканчивая путь,
Увидит и поймёт, почувствует немало...
Но всё же, чёрт возьми, так хочется
взглянуть,
Как девочка мою печаль нарисовала.

Закат

В реке плывёт заката отражение.
Не нужно слов, и я не говорю,
И затаив своё воображение,
Лишь долго-долго на воду смотрю.

Пусть виноват, но только в самом
лучшем,
Ведь знаю я, что на сердце храню.
Стоят в тени берёзовые души,
Веками шепчут родину мою.

И может быть, пока не сядет солнце,
Придёт поэт к закату и реке.
Ему скажу: не надо слов, всё просто,
Закат блажит на русском языке.

В деревне

Загрустил, может, это и кстати,
В глухомани не грех заскучать.
Распевает сверчок под кроватью,
За окном вечереет опять.

И как будто развеяться надо:
Дед в соседях бутылку найдёт,
А хозяйка чему-то не рада,
Принесёт самовар и уйдёт.

Жизнь скупа на хорошее слово,
Но опять в деревенской глуши
На стихи Николая Рубцова,
Заиграет гармонь для души.

А душа, видит Бог, одинока.
Пусть летит, мне её не согреть.
Вон уж кладбище видно из окон,
Я, как пьянку, предчувствую смерть.

Говорят, на том свете красиво.
Я там не был, судить не берусь.
Но ещё лишь строку про Россию:
«Я люблю тебя, милая Русь!»

Замёрзла осень у сырого стога.
Дождь поутру задумчивость принёс:
Прямая и недолгая дорога
Сквозь золото рассыпчатых берёз.

Пойду туда, наверно, так и надо,
Блаженные желания просты;
Вон церковь за кладбищенской оградой,
И всюду из земли кресты, кресты.

Я здесь остановлюсь и вспомню много,
И снова брошу нищему пятак.
И людям всё прощу. И, слава Богу!
И, может, кто-то думает не так...

Снег полетел, значит, будет не холодно
Вечером поздним идти в одиночестве.
Ждёт откровения милая Вологда,

В чём-то прошедшем покаяться хочется.

Где-то в душе защежит, заволнуется
Давняя боль, что судьбою мне брошена.
Здесь по притихшим, заснеженным

улицам,

Буду идти, буду думать хорошее...

В жизни порою так много ненужного,
Только зачем понимать, что не нравится.
С неба летит белоснежное кружево,
Словно вуаль для уснувшей красавицы.

Русской души вознесение гордое,
Вера в Христа, это вера непрошлая.
Здесь по уснувшей, заснеженной

Вологде

Буду идти, буду думать хорошее...

Заблужусь среди домов вечерних,
В тихий двор, как в церковь, забреду.
И на старых, сломанных качелях
Не усну, конечно, не усну.

Посмотрю по сторонам и, молча,
Чиркну спичку, и не прикурю.
Здесь афиш оборванные клочья
Вспоминают молодость мою.

А на покосившемся заборе
Прочитаю, как любил её.
Ах, Наташка!

А Наташа вскоре
Дописала «Это всё враньё».

Вспоминаю, спичка догорела,
Так пройдёт минута не одна.
А сквозь ветви яблони несмело
Происходит бледная луна.

У соседей выбито окошко.
В доме том никто уж не живёт,
Лишь мяучит брошенная кошка.
- Муська! Муська! – и к ногам
прильнёт...

Тополя

Я помню их давным-давно,
С такою трепетной любовью
Они шептались за окном,
С тех пор, как сам себя я помню.

Я вместе с ними вырос тут.
Ну, а теперь куда? Не знаю.
Деревья за город свезут.
А я, взгрустнув, припоминаю:

Знакомый свист, спугнув грачей,
Мы с другом здесь всегда встречались.
Вон там была у нас качель,
Попеременкам мы качались.

Здесь дед скамейку смастерил
Под тополями, кончив дело.
Он часто вечером курил,
И выпивал, порой с соседом...

Деревья ближе стали мне,
Когда под топором упали,
А в небе, как в тревожном сне,
Бездомно птицы щебетали.

Не стало тополей в окне,
И нет давно скамейки деда...
Нехорошо, противно мне,
Как будто я их, бедных, предал.

Ты мне снишься, город тополиный,
Я других давно не вижу снов,
Где круженье стаи голубиной
Над тоской стареющих домов.

Почему же я во сне тоскую?
Кажется, всю жизнь не забывал,
Как девчонку, гордую такую,
У подъезда наспех целовал.

Незаметно для себя взрослеешь,
И к чему-то новому готов,
Но она сказала: «Не умеешь,
Ты писать волнующих стихов».

Я не понял, что она хотела,
И, как пьяный, брёл средь тополей,
А потом с досады, не по делу,
Разогнал несчастных голубей.

Почему так нежно и печально
Тополиный город снится мне?
Только голубь белый неслучайно
Безнадёжно кружит в вышине...

Уже не первый раз приходит
На это место странный пёс.
С ним, верно, что-то происходит,
Собачий мучает вопрос.

Прижаты уши, хвост подобран,
Вокруг скамейки обойдёт,
Понюхав землю, ляжет скорбно,
На лапы голову кладёт.

И всё куда-то смотрит, смотрит...
Взгляд не зализанной тоски...
Он настроения не портит,
И детвора несёт куски.

И мне сказал малыш забавный:
- Ты, дядя, Шарика не зли,
Здесь умер дедушка недавно,
Его на «Скорой» увезли.

Блаженный

Я каждый день блаженного
встречаю,
Идёт он мимо, по своим делам,
Незаражённый звёздной печалью,
Всегда весёлый, всё он знает сам.

Мне нелегко, как будто я обязан
Понять его безумный добрый взгляд.
Мучением не он, а я наказан.
Он ближе к Богу, люди говорят.

Необъясним его несносный лепет,
Различные и русские слова.
И, как всегда, меня он не заметит,
Наверно, поважнее есть дела.

Я не пойму, кого Господь обидел?
Блаженный не завидует другим,
А я, несчастный, столько ненавидел...
В один прекрасный день пойду за ним.

В который раз уже понять пытаюсь,
Когда уставший, а когда бегом,
Зачем во сне так часто возвращаюсь
В свой старый и давно снесённый дом?

Над головой на том же самом месте,
В провисших проводах притихший змей,
И, кажется, что я вернулся в детство,
И словно тень, иду среди теней.

Знакомый путь, безлюдные кварталы,
И силуэт пожарной каланчи,
Но у крыльца вдруг яблони не стало...
Дверь заперта. Потеряны ключи...

Фонарь

Я всё забыл, и нет высоких слов,
Ночная улица пустынна.
И, кажется, один фонарь готов
Стоять всю ночь, светить уныло.

Я так устал. Я вижу тень свою,
Мостки и брошенный окурок.
И уходящий далеко во тьму,
Глухой, забытый переулок.

Всё низко так, мертво, в конце концов.
Высоких слов душа не просит.
И холодом в застывшее лицо,
Забытая, чуть дышит осень.

Я всё забыл, лишь помню, что умру,
Но неизбежность представляю смутно.
Ночной фонарь ослепнет поутру...
Как долго не приходит утро!..

Подкралась ночь, как ласковая кошка,
И улеглась, как будто на века,
Что для души закрытое окошко,
Ведь где-то Бог наверняка.

И жизнь порою кажется нетленной.
И вроде бы не нужно ничего.
Зачем тревожить сердце переменой,
Ведь всё пройдёт, но не поймёт всего...

Зачем та боль, которая не ранит.
В раздумии оставлены пока,
Остывший чай в нетронутом стакане,
В тетрадке не дописана строка...

А Божий свет по стенам думы крестит...
И странно так, и странно и светло.
Всегда один, один на небе месяц,
Но он заглянет в каждое окно.

Опять напишу невесёлые строки:
Уснувшая верба над старым прудом,
Вечерняя птица и месяц высокий.
Вдруг замерло всё, затаилось кругом.

Осталась печаль, но везде понемногу.
И в этой печали нет места слезам.
Мне так нелегко, что не верится Богу,
А как нелегко, знаю только я сам...

Взмахнула крылами вечерняя птица,
Качается ветка над тихой водой.
А месяц, а месяц в пруду утопился.
Такой молодой! Эх, такой молодой...

Февраль

Опять бездумно посмотрю в окно.
Увижу небо чистое, сухое.
Ещё весна не назвалась собою,
Но где-то зародилась всё равно.

Увижу день и дальние постройки,
Расслышу лай задворных голосов
Собачьей свадьбы около помойки,
(Как много развелось бездомных псов).

Ещё вчерашним инеем покрыты
Берёзы ветки, ветки тополей,
В пустой кормушке хохлится сердито,
Обычно бойкий серый воробей.

И нет зимою суеты особой –
Упав, встаёт и отряхает снег
Не торопясь, идёт своей дорогой,
Простой и пьяный русский человек.

Грядёт весна, обманчива покуда –
Февраль устал от вьюжных ратных дел,

А может, просто нынче оробел,
Иль одолела старика простуда.

Апрель

Клевала серая ворона,
С оглядкою и не спеша,
В снегу у старого забора
Она своё дерьмо нашла.

О, да, весной помойки тают,
Резвятся молодые псы,
Внимательных ворон пугают
Из-под подола у весны.

А на деревьях бухнут почки.
Родильной лениости полны
Едва живые ходят кошки,
Нося большие животы.

Взбродивший снег февральской стужи,
Пернатый сброд, домашнее зверье,
Все пьют весну из мутной лужи
И чувствуют внутри её.

И город, как заворожённый,
Открыл глаза и словно ждёт,
Что срам его, весной рождённый,
Водою вешней унесёт.

В аллеях, в парках соком плачет.
Берёз пятнистая кора,
И всё кругом чего-то значит.
И что-то, всё-таки, пора.

Новогоднее

Потёртый гобелен старинного дивана,
Где белый, будто снег, дремал
ангорский кот.
И ты уже вошла, и звуки фортепьяно
Влетели за тобой, легки, как Новый год.

Играясь и шутя, как это было раньше,
Попросишь у меня дешёвых сигарет.
Я знаю наперёд всё то, что будет дальше,
И пепел на полу, и фантики конфет.

Сквозь тонкий хмель давно поднятого
фужера,
Нелепо улыбнусь, несколько не любя,
Одно скажу, что ты, что ты похорошела,
Наверно, время шло, где не было тебя.

Незабудка

Вы грустны,
Как цветок уходящего лета.
Вы грустны,
Как последняя строчка поэта.
Не вернётся,
Уже не вернётся,
Тот закат,
И в бокале уснувшее солнце.

Ах, мадам!
Ну, какие тут могут быть шутки,
Я молчу,
Удивлённые рву незабудки.
Вы грустны,
Как цветок уходящего лета.
Вы грустны,
Как последняя строчка поэта...

Леночка

Про неё говорят, неземная она.
И никто её губы не знает.
Всё молчит и молчит, и грустит у окна,
Словно всё на земле понимает.

Одинокой такой, ей, конечно, «видней».
Не любя, не скорбя, не прощая,
Ни жестоких, ни добрых, ни разных людей,
Словно всё на земле понимая.

Но сегодня, назло, я цветов ей нарвал
И поднялся, ступеньки считая.
А от мамы её я случайно узнал,
То, что Леночка с детства слепая.

Отцветёт, отшумит, как и не было,
А потом, может быть, и не вспомнится.
Только осень опавшими вербами
Будет долго стоять за околицей.

Будет ветер гулять подворотнями,
Будет дождь бесконечно упрямитесь,
Кроме грусти назойливой, проклятой,
Ничего на душе не останется.

Словно что-то до боли несчастное,
Улетая, прощается ласково.
Словно юность в погоду ненастную,
Запоздавшей уносится ласточкой.

Капал дождь по-своему, падал лист
по-своему,
Словно незнакомая, рядом осень шла.
Что-то здесь не слажено, что-то здесь
не скроено,
И болит по-своему странная душа.

Птица перелётная в тесной клетке
мечется,
Мне её по-своему трудно не понять.
Что-то здесь не ладится, что-то здесь
не клеится,
Ей своей дорогою надо улетать.

Жизнь прошла по-своему, может быть,
напрасная,
С непонятным трепетом, в дальний путь
спеша.
Может быть, счастливая, может быть,

За забором, хоть не злой, но очень
вредный,
Будет долго твоя пёс соседский.

Оглянусь, а где-то сзади жизнь осталась.
Хоть о чём-нибудь, не в этом дело,
Даже капельку всего, хотя бы малость,
Надо, чтоб душа всегда болела...

И зачем же осень улыбнулась грустно?
Разожгла рябины, будто раны...
Вологда, сегодня я к тебе вернулся
Одинокий и немного пьяный.

Встреча

Всё чаще, печальней случайные встречи.
Гудит, словно улей хмельной ресторан.
Походка её, причёска и плечи,
Как лёгкий укол потревоженных ран.

Не зря говорят, что мир тесен бывает.
Зачем же сегодня так близко она?
Небранный грузин, он всё ей подливает.
О, как мне знакомо безумство вина!

Забавная боль, описать невозможно.
Дурацкая ревность припомненных дней.
Но всё же сижу и смотрю осторожно,
И так незаметно вдруг стало грустней.

Кто к жизни остыл, для кого всё так
просто,

И мысли о прошлом не тронут никак.
А где-то в руке всё дымит папироска,
И ждёт откровенья налитый коньяк.

Тапёр

Заиграй, тапёр, ту мелодию,
Что звучала здесь много лет назад,
Невесёлую, старомодную,
Будет грустно мне, буду грусти рад.

Ты поверь, родной, так случается,
Что ранимых душ не хватает всем,
Изменился ты, всё меняется.
Эх, не молод я, ты – старик совсем.

Да, сегодня, брат, мне невесело.
Заиграй, тапёр, про мою судьбу,
Ту мелодию, как тем вечером,
Ведь когда ещё я сюда зайду.

Пусть рассыплется нервно клавиши
Давних, юных лет, воскрешая пыл,
Их теперь во сне вижу разве что,
Я ведь помню всё, хоть и пьяный был.

М. Жаравину

Мне всё кругом вдруг сразу надоело,
Когда за ней с щелчком закрылась дверь.
Ушла она, а может, улетела:
Ответь мне, друг, а лучше мне поверь.

Зачем они порою так капризны?
А ну их к чёрту. Не понять всего.
А знаешь ты, чего дороже жизни?
Дороже нет на свете ничего...

На кухне свет горит досадно тусклый,
И, кажется, всему пришёл конец,
Но на столе бутылка водки русской,
Обкусанный солёный огурец.

И всё равно, как будто не хватает,
Последней стопки, выпитой до дна.
Над абажуром комары летают,
Но где-то далеко ушла она...

Закрылась дверь, и стало тихо-тихо.
Я за столом сижу и что-то ем,
Потом скажу: - давай, не будем, Миха,
Сегодня водку допивать совсем.

Там за окном беспризорное утро,
Как-то по серому сбылось уже.
Вот почему так пустынно и мутно
В странной, притихшей, неловкой душе.

Бледным пятном, как остывший покойник,
Солнце встаёт над гробами домов,
И на порог так похож подоконник,
Как на уплату последних долгов.

Мне б наплевать, отойти поскорей бы,
Только растерянно падает взгляд:
Там ведь озябшие, сонные вербы,
Будто бы нищие шлюхи стоят...

Прошло беззаботное время,
Призывная смокла труба.

Есть радость в утраченной вере,

Ведь молодость, всё же, глупа.
Довольно по жизни скитаться,
Оставь это дело другим.
Довольно за счастьем гоняться,
Ведь счастье – слепой пилигрим.

И в клетке чирикает птица,
Во всём доля истины есть.
И самое время напиться
Иль светлую книжку прочесть.

Н. Клёнову

Вот ещё одна весна зазеленела,
Словно руку, тополь ветку протянул.
Только, как бы птица песню мне не пела,
Я уже давно любовь перешагнул.

Говорили люди, правду говорили:
Есть на свете счастье, только не для нас.
Кто в петлю залез, кого уже убили,
Кто-то водку пьёт до выпученных глаз.

Пусть сегодня грустно, больно, одиноко,
Только вы не верьте в скорый мой конец.
Если не запью надолго и жестоко,
Выкуплю в ломбарде свой нательный
крест.

Замело на кладбище дорогу –
Первый мой невыдуманный путь.
Это жизнь прошла, не зная броду,
Лучше, что её не повернуть.

И не тают на лице снежинки,
Неужели, правда, охладел;
Я, который каждой тонкой жилкой,
Как умел, но, чаще грустно, пел.

Так всегда со стороны виднее.
Пусть опять я глупым покажусь,
Что с того, что кто-то был умнее,
Я за это на себя сержусь.

Тихо-тихо, нежно, осторожно
Гроб опустят верные друзья...
Можно жить распутно и безбожно,
Но безбожно умереть нельзя.

В моей сырой могиле холодно...
Там высоко за тишиной,
Шум тополей родного города
И звёзд таинственных покой.

Там тихих улиц очертания,
Вдруг оживут далёким сном:
Реки влюблённое дыхание,
И мой давно снесённый дом.

Там старый вяз стоит взъерошенный.
И под луною, не спеша,
Сегодня там гуляет прошлое,
И вместе с ним моя душа...

Но только мне по этим улицам
Не встать-пойти, не побежать.
Я знаю, это мне не чудится:
В могиле холодно лежать.

Прощание

Куда-то мысль без смысла улетела.
Куда-то взгляд невидящий скользнул.
Душа, прощаясь, оставляла тело,
Но, Боже мой, ведь я-то не уснул!

Не надо так, я жить хочу и верить,
Встречать весною перелётных птиц.
Ещё не раз свалиться на колени
Пред разумом, не знающим границ.

Хочу любить земные ощущения,
Хочу любовью искренней любить.
Хочу прощать и получить прощенье,
С самим собою ночью говорить.

Хочу бежать и напрягать все силы,
Но все они куда-то истекли...
Хочу не видеть я своей могилы:
- Ты не увидишь, сам себе не лги.

Лежи, чего уж там, не надо дальше,
Ведь я с тобой и я тебя люблю.
Душа поэта не потерпит фальши,
И за грехи я Бога помолю.

Вдруг замелькало где-то в подсознании,
Как листопад из незаметных лет.
Душа бранила даже на прощанье:
- Смотри их сколько, не было и нет.

Она считала и вполне серьёзно,
Решила мне надежд не оставлять.
И заставляла, как обычно, поздно,
Лишь умирая, кое-что понять.

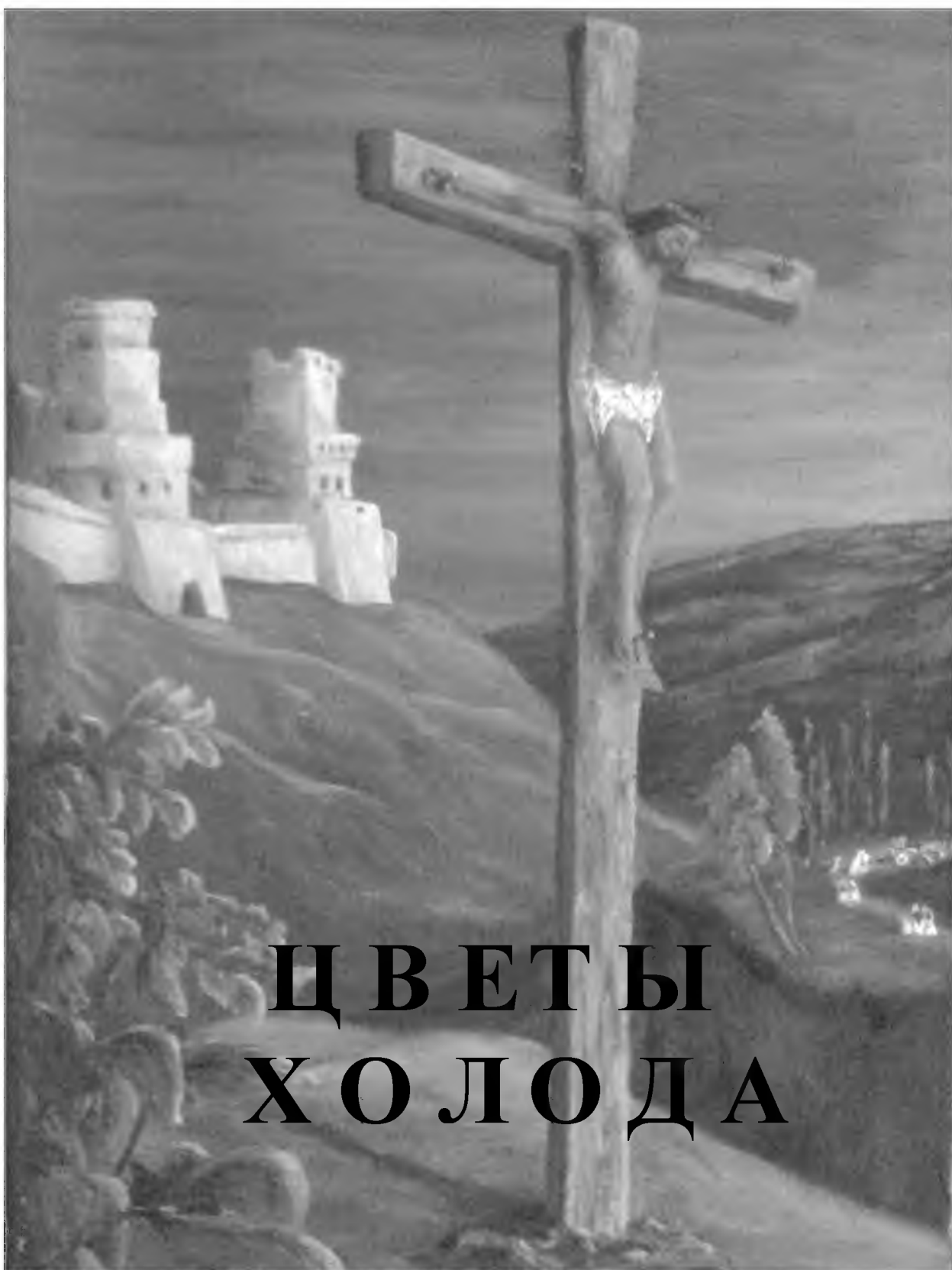
Летели прахом солнечные грёзы,
Они теперь не стоят и гроша.
Не мог я взвыть и пересохла слёзы,
Но, расставаясь, плакала душа:

- Терпи, родной, теперь уже недолго,
А сколько я страдала, знаешь ты?
С тебя живого было мало толка,
Ведь души лишь ранимы, как цветы.

Ты извини, что часто я болела,
Тебя жалела на свою беду
Господь простит, сама бы не посмела,
Сейчас я ангелочков приведу.

Вот прилетели вечные детишки
И нежно душу обняли мою.
И дочитали этой жизни книжку,
Где я, как Он, уже в раю.

Смотри, как он порог переступает,
Что было с ним сейчас – уже потом...
Он в этот миг, конечно, умирает,
На ЭТОМ свете, думая о ТОМ...

Ц В Е Т Ы Х О Л О Д А

ЧАСТЬ 1

Е. Л.

Возможно, бывали у меня такие минуты в жизни, когда я шёл рядом с любимой, ничего не замечая, кроме неё, ничего не слыша, кроме её голоса, который звучал во мне чарующей музыкой.

Восторженный, опьянённый и, наверно, счастливый, я забывал даже о таком наивном и естественном предмете любви, как поцелуй, не думая о чём-то большем... Но всё это было. Мы расстались. Потом, может, через год или два, я снова встречал её. Она шла и катила перед собой коляску. Что-то вздрагивало у меня внутри, неопределённый испуг, чувство вины, непонятной самому. Она подходила ближе, здоровалась. Мы говорили о жизни. Узнав, что в моих делах ничего не переменялось, она сочувствовала, голос её приобретал оттенок жалости, но не сожаления.

Потом, нагнувшись над коляской, она с умиленной улыбкой поправляла, может, одеяло, может, пелёнки малыша и всем своим видом, казалось, говорила: «Вот, что мне было нужно, а ты, дурак, таскал какие-то там цветы».

Вере У.

Тот дивный миг, оставшийся в судьбе,
Мелькнул, как сон, но возвращенья
просит.

И на тебя, на память о тебе,
Скажи, зачем похожа эта осень?

Но ты другой осталась навсегда,
Под листопадом в парковой аллее.
И что такое я сказал тогда,
Что наши щёки сразу заалели?

С минутой каждой чувства горячей,
Как ни к чему воспоминанья эти!
Ведь с дочкой ты, а я давно ничей,
И гаснут наши звёзды на рассвете...

Порою страшно приходить сюда,
Здесь поневоле веришь в привидений –
Когда под ручку в парке, как тогда –
Влюблённые, гуляют наши тени...

ЦВЕТЫ ХОЛОДА

Сегодня дождь по Вологде с утра
Свои шаги рассыпал на асфальте.
Ах, лучше обо мне не вспоминайте,
Не думайте с любовью никогда.

Зачем я Вам, идущий наугад?
Ступая в грязь, не обходящий лужи,
Зачем я Вам? Я сам себе не нужен,
И мне давно никто нигде не рад.

Над Вологдой сегодня облака,
И дождь с утра идёт, не устая,
И где-то Вы, свой зонтик открывая,
Спешите не ко мне издали...

Осенний парк завешен листопадом.
А я нежданно понимаю вдруг,
Что ничего, мне ничего не надо,
Взамен прикосновенья Ваших рук.

И вновь лечу приученною птицей,
Пускаюсь в свой волнительный полёт,
Выходит, я любить не разучился,
Хоть знаю, что любовь опять пройдёт.

Безвестный лист, как брошенное слово,
Летит самозабвенно наугад.
Мне не дожить до осени, чтоб снова,
Вам подарить такой же листопад.

Дрожат осин краснеющие листья,
Унылый дождь танцует во дворе.
Одной хорошей девочке родиться
Привёл Господь в унылом сентябре.

Я соберу цветов, уже холодных
И принесу их на её порог,
А сам пойду бродить, как пёс бездомный,
И в тихом счастье буду одинок.

Когда она откроет утром двери,
Цветы увидев, сразу всё поймёт,
Но пусть решит – я в это с грустью верю –
Их тот принёс, кого она так ждёт.

Натали

Мелкий дождь. Мокрый парк. Серость
дня,
Ты грустишь всей печалью земли.

На меня посмотри. На меня.
Полюби... Позови... Натали!

Призрак тьмы. Старый вяз у скамьи.
Листопад. Неизбежности власть.
Это воля судьбы, Натали,
Лист летит, чтоб на землю упасть.

Море луж, а на лужах круги,
Как следы безнадёжных орбит.
Натали, позови, не солги...
А пока лист летит, лист летит...

На улице пустынной в поздний час
Вы издали казались так желанны.
Крутилась собачонка возле Вас,
Совсем, как в книжке, где с собачкой
дама.

Я подошёл, не помню, что спросил,
Но помню взгляд таинственно-
печальный.

А Ваш ответ таким холодным был,
Но голос был таким необычайным.

И видел я – в прозрачной полумгле
На Вашу шляпку падали снежинки,
А собачонка, подбежав ко мне,
Вильнув хвостом, обнюхала ботинки.

Я, улыбнувшись, наклонился к ней,
И руку мне она лизнула даже...
Но почему была нежнее, милей
Совсем не Вы, а собачонка Ваша?..

В. И. Рыжакову

Я этот город оставляю Вам,
С его красою безгранично-нежной.
Где тихо память ходит по домам,
С моей любовью, верой и надеждой.
С его дождями, шелестом листвы,
С забытыми названиями улиц,
С моей тоской, когда случайно Вы
Прошли так быстро и не улыбнулись.
И город этот молча проводил
Мои чуть-чуть несбывшиеся грёзы.
А я стоял, завидуя, следил,
Как целовались с тополем берёзы,
Мешая краски с грустью пополам,
Рисую облик Ваш неповторимый.

Я этот город оставляю Вам
Штрихом последним конченной картины.

В. А.

Душа, как тоненькая нить –
Где оборвётся, угадать бы.
Кому, кому её излить,
Чтоб зажила до новой свадьбы?

Не слышал голос твой давно,
Давно при мне ты не смеялась.
И не пригублено вино
Так, на столе стоять осталось.

Собака воеет на дворе,
Ей, бедной, тоже закрутилось.
И в полнолуние в сентябре
Нам с нею эта ночь явилась.

Ночь, полная видений всё ж,
И в переулке незнакомом
Увидел я, как ты идёшь
В летучем платье бирюзовом.

Я видел – в волосах твоих
Беспечный копошился ветер,
А на бумагу лился стих,
Что ты нежнее всех на свете.

Мне не мешал собачий вой,
Пусть завывает пёс безродный.
Я этой ночью был с тобой,
И слышал голос твой покорный.

С рассветом серым и седым
Уходит ночь, идёт усталость.
Остался сигаретный дым,
Вино не допито осталось.

Ушла собака со двора,
И сразу одиноко стало.
Я был поэтом до утра –
Бог весть, куда душа летала...

Ты никогда мне не подашь руки.
Всё позади так мрачно и так трудно.
Себе назло себе же вопреки,
Шатаюсь вновь по улицам безлюдным.

Иду и знаю – некуда идти,

Что своего не выстроил я дома,
И, как всегда, печальный смысл пути,
Под окна те, что мне давно знакомы.

Туда стремятся думы впопыхах,
И только здесь остановлюсь, очнувшись.
Не ждешь. Ты спишь. С улыбкой на
губах
Сопит дочурка, в грудь твою уткнувшись.

Я словно вижу этот ваш покой.
Прошу прощенья у тебя, у Бога...
Но сколько ночью под окном не стой,
А впереди обратная дорога...

Короткие слёзы придут и отступят,
Остановившись на уровне глаз.
В ресницах блеснут горделиво и скупом
Короткие слёзы, не напоказ.

Солёным комком продерут они горло
И болью затопят сердце в груди.
Они не бальзам, а душевное пойло,
Когда говоришь ты мне «уходи».

Когда ты согласишься сурово и строго,
Не смею поднять обездоленных глаз.
С обидой, любовью на этом пороге
Короткие слёзы глотал я не раз.

На мою дорогу посвети,
Невесёлый друг мой – месяц ясный.
Нам с тобой, приятель, по пути
Этой ночью тихой и несчастной.

Путь-дорожка наша далека,
Через годы на свиданье с милой.
Месяц, вот тебе моя рука,
Только так не ухмыляйся криво.

Может быть, она давно с другим?
Может, у неё их было много?
Месяц, мы с тобою посидим,
Ты в её окне, я у порога.

Только всё же мы напрасно ждём,
Будет леденящий путь обратно.
Снова через годы под дождём
Неопределённо, безотрадно.

Заходит утро в мой родимый город.
Где гаснет, где зажжётся в окнах свет.
И я проснусь, не стар, но и не молод,
И как всегда, любимой рядом нет.

Ещё в тумане крыши городские.
Дела мои запущены совсем...
Из дома гонят мысли непростые,
Я уйду, но не пойму, зачем.

Сырой асфальт прижат осенним тленом.
Вдруг сзади стукнут чьи-то каблучки.
Я оглянусь, быть может, там Елена?...
Но это жизнь – безликая почти...

Измена

Казалось мне, что так не может быть,
Потом мне что-то страшное казалось,
Потом вдруг захотелось долго жить,
И, наконец, пришла ко мне усталость.

Стираются черты её лица
Из памяти – жестокие, родные,
Как верный знак не лучшего конца –
Печаль моя и комнаты пустые.

Но всё же, за любовь спасибо ей –
Благодарю и за измену тоже.
Иначе не становятся умней
И не бывают час назад моложе.

Вновь проиграл, но не очень расстроился –
Мне никогда и не в чём не везло.
Но, как цыганка, пристала бессонница,
В тонкостях зная своё ремесло.

Мне ли страдать по тому, что не сбудется?
Мне ль сожалеть по утратам своим?
Где-то любимая с кем-то целуется
И просыпается с кем-то другим.

Ветер и осень играют рапсодии,
Листья, как ноты летят за окном,
Звуки тревожной ненастной мелодии
Так далеки, будто в сердце моём.

Необъяснимы, но кажутся грустными
Думы без слов у окна до зари.
Я наполняюсь безумным предчувствием
Может быть, новой, несчастной любви...

Н. Н. К.

Мне кажется, тебя я вижу
В тех снах, что вспомнить не могу.
И ты от этого не ближе,
Но я себе напрасно лгу.

Когда глаза открыв под утро,
Я не пойму, чего же нет.
Через окно тревожный, мутный,
Вползает в комнату рассвет.

Он с подоконника струится
На стол, где чистые листы,
Лежат и ждут самоубийства
Моей несбывшейся мечты.

Мечты, которая до боли,
Пытаясь образ воскресить,
На них словами ляжет вскоре,
Чтоб навсегда мечтою быть.

Вы в дом вошли. Ваш шарф, как след
метели.

И веют стужей Ваши кружева.
Горит камин, а там, как Вы хотели,
Золой становятся дрова
И грустной повестью слова.

Неловкая рука фужер уронит,
И Вы опять сошлётесь на мороз,
А скатерть без того так много помнит
И винных луж, и капель слёз,
И лепестков увядших роз.

И даже ни намёка на сближение
В интимном свете чуткого огня.
А в трельяже три Ваших отражения
Я так люблю. Живу ли я?
Зачем? Зачем мне жизнь моя?

Блестит кольцо на безымянном пальце,
Ничем, никак его мне стереть.
И, как стрижу, с земли мне не подняться,
У Ваших ног мне будет смерть.
От Вас мне некуда лететь.

Вот чистый лист лежит передо мною,
И я решусь бумагу замарать.
Пишу тебе рифмованной строкою

И в первый раз не хочется мне врать.

Скулит душа, на ней одни заплаты,
И тёмный мне мерещится подвал.
Но чья вина, что я со школьной парты
О Боге лишь неправду узнавал.

Я замечаю, что чем дальше – чаще
Берёт за горло смертная тоска.
С твоим лицом, с твоим и не иначе
Её в браслете чуткая рука.

А ведь когда-то я тебе был нужен.
Пускай за мной грехов не перечесать,
Пойми, что Дьявол всё же Богу служит,
Хотя бы тем, что тоже в каждом есть.

А лист бумаги терпит и хохочет
Над тем, что я любовь не узнаю.
Но как узнать, коль почерк неразборчив,
Напоминает только жизнь мою.

Не вспоминай – обиды не осталось.
Зачем одно и тоже повторять?
И подбери, чтоб так не выбивалась
Из-под платка не завитая прядь.

К тебе никак привыкнуть невозможно,
Как не привыкнуть к боли никогда.
Ты вся другая, я остался тот же,
Мою любовь проверили года.

Пойдём с тобою осенью дождливой.
Я зонт открою, ты поправишь прядь.
Уже не так доверчиво и мило,
Но под руку возьмёшь меня опять.

Ты что-то важное сказать пыталась,
Но в эту слякоть, в этот полумрак,
Не говори – обиды не осталось.
Осталась память – самый нежный враг.

Всё такое родное и близкое
В этом городе, кроме тебя.
Даже лай собачонки неистовый
На меня...

Я стараюсь не думать о прожитом,
Ведь оттуда, жалея, любя,
Смотришь ты, а не эти прохожие

На меня...

Никогда не сумею я высказать,
То, что шепчут сейчас тополя,
Но стихи, что сложил я и выстрадал,
Для тебя...

ЧАСТЬ 2

Непостоянство – вот стихия,
В которую повергнут я.
А чудо-горы золотые
Придумал кто-то без меня.

Я ничего не обещаю,
А попрошу лишь об одном:
Налей мне водки, а не чаю,
И я оставлю этот дом.

Пойду опять по бездорожью
От счастья счастья искать.
Терять то, что всего дороже –
Мне стало нравиться терять.

Поверь, на свете много дряни,
Но всё же на своём окне
Пускай один цветок завянет,
Когда забудешь обо мне.

Одна, вторая, третья сигарета,
В окурках, в пепле комната моя.
Воображение пьяного поэта
Летит куда-то, голову сломя.

Сижусь с тетрадкой, гордый и небритый,
Голодный тоже, как заведено.
Вслед за строкою на листок открытый
Слезой горячей капает вино.

Кому приятна будет эта слякоть?
Но не умел я, правда, не умел
Через вино на жизнь свою не плакать,
Так, чтоб печаль осталась не у дел.

Я только умереть хочу, чем прежде
Узнаю то, о чём не говорят:
Моим стихом какой-то там невежда
С улыбкой вытер свой вонючий зад.

Кенар

Расскажи мне, птичка-невеличка,
Что ещё от этой жизни ждать?
Мне своим не изменить привычкам:
Пить, курить и по ночам писать.

В клетке ты поёшь, зелёный кенар,
Разве можно в клетке распевать?
Но твои бессмысленные трели,
Кажется, я начал понимать.

Мы живём, а значит, мы не вечны.
Пусть не пальмы – вербы за окном.
Мне, поверь, от этого не легче.
Знаю, ты мечтаешь о другом...

Вновь поёшь ты, птичка-невеличка,
В комнате прокуренной моей,
Или тоже не сменил привычки
Вспоминать о юности своей.

Если б мог, то плакал ты со мною
На тетрадный в клеточку листок,
И невинно, крохотной душою
Пеньем оставался между строк.

Заливайся в сигаретном дыме
Над печалью сложенных стихов...
Жаль, что никогда мы не увидим
Солнечных Канарских островов.

Я ничего не в силах объяснить.
Нет нужных слов, которых вы хотите.
Я понял сам, что я не брошу пить,
Я вас прошу – ко мне не приходите.

Там за окном опавший мёрзнет вяз,
И снег летит, и дует из-под рамы,
А ночью мне является не раз
Уставший призрак той несчастной дамы.

И вот, она уже вошла, вошла,
Поскрипывают половицы где-то.
У зеркала появится душа,
И полюбил я отраженье это.

Постелем вместе снежное бельё.
Покои ждут развязки нашей драмы.
Не может быть, что всё кругом враньё,
Враньём не наполняются стаканы.

Замрёт душа, немного надо ей,
Как бабочке на острие иголки...
Рассыпались по комнате моей –
Моей любви и зеркала осколки...

В мой тихий дом ворвались сквозняки,
И, веселясь, подняли много пыли.
Себя обманывать мне больше не с руки,
Мечты мои несбыточными были.

О том, что помню только я один,
Когда в бреду бутылку открываю,
Сегодня – бес, а завтра – херувим
Сюда влетит или войдёт? Не знаю.

Всему назло, забыв полутона,
Как будто я один остался в мире,
Тихонечко я ухожу с ума
И бешено мечусь по всей квартире.

Всё перепутал радостный сквозняк:
Тут не веселье, а томленье мысли,
А на столе тетрадка и коньяк
И пауки голодные повисли.

Тут в грязных стенах призрачный покой –
Голодный пёс разлётся у порога...
Довольно! Хватит! Надоело – стой!
Ведь пыли по углам и, правда, много.

А. Ломковскому

Ну, что ж, давай, давай, поговорим.
При тусклом свете мрачны наши мысли.
Но бредит осень прошлым, дорогим.
Летят в окне задумчивые листья.

Забарабанил по карнизу дождь,
И нас тоска вконец околдовала.
Ты говорил, что никого не ждешь?
А в дверь стучит поддатая шалава.

Открой,пусти, пускай она войдет.
Пускай поплачет, пусть побудет
слабой,
Пусть все слова ты знаешь наперед -
Неблагодарно спорить с пьяной бабой.

Чего ты ждешь? Веди ее, веди
В ту комнату, что темнотой объята.
Нет ничего настойчивей любви,
Особенно отвергнутой когда-то.

Тоскует дождик на Бульварной-стрит,
И как в той песне, вот уже полгода
Зачем же так назойливо стоит
И на дворе, и в сердце непогода?

Ну, что ж, давай, давай поговорим,
Пусть не сегодня, может, и не завтра.
Но бредит осень прошлым, дорогим.
А дорогое в прошлом – вот в чём правда.

Я в тоске, словно ангел бескрылый,
И никто мне не может помочь.
Где-то там, как вчерашний унылый
Зимний день превращается в ночь.

В темноте леденелые стекла,
В темноте все цветы на окне,
Но в квартире холодной и блеклой
Одинок я и счастлив вполне.

Средь когда-то несложённых строчек,
И многих написанных строк,
Вдруг раздался как гром среди ночи,
Дерзким вызовом пьяный звонок.

И хохочут в распахнутых шубах,
Сразу видно – на бал с корабля,
Выставляют бутылки и губы –
Те же женщины, те же друзья.

И тоска по углам разбежалась
Из-за спущенных пыльных портьер,
На меня поглядел, улыбаясь,
Ангел ночи и звезд Люцифер.

Уходит спать бесстыжая луна.
Под утро я тебя не узнаю,
Наверно, это все же от вина,
Что утомило голову мою.

Без грусти загляну в глаза твои,
У ног твоих присяду на кровать.
А ты опять и снова без любви
Другого завтра будешь целовать...

Тошнит меня от сказанных стихов.
Окно открою и впущу весну.
Угарный запах приторных духов
Трезвящим ароматом сполосну.

Почувствую, как в спину мне летит
Холодный твой и равнодушный взгляд,
Приятно мне, что сердце не болит,
И что никто из нас не виноват.

Припомню вдруг, как пели соловьи,
Когда однажды и в расцвете лет
Не то от пьянки, может, от любви.
Весною мой повесился сосед...

Сквозь занавески утро пробивалось,
Немного скрасив вянувший цветок.
Ее кровать неубранной осталась,
Как скомканный, исписанный листок.

Забудутся черты недорогие.
Не вспомню цвет её лукавых глаз.
Наверно, к лучшему, что есть такие –
Полюбят и разлюбят через час.

Я в грубую действительность повергнут:
Журнальный столик, банка из-под
шпрот,
Окурки, хлеб, неблагородный вермут –
Навязчивый, зловонный натюрморт.

А на дворе весна звенит капелью,
Щебечет воробьиный хоровод.
Настойчиво мяукает за дверью
Мой загулявший на неделю кот.

Ну, проходи, ободранные уши,
Прости, что молока сегодня нет,
Но мы с тобою родственные души –
Весной и ты гуляешь, как поэт.

Цветы мороза

Цветы мороза вянут на стекле,
На подоконник каплями стекают.
Я так мечтал остаться в тишине,
Среди цветов, которые не тают.

Я так мечтал тебя с собою взять
В тот дивный луг, приснившийся
когда-то,
Где одному так холодно стоять
И провожать последний луч заката.

Но нет тебя ни здесь, ни в давнем сне,
Ни на закате нет, ни на рассвете.
Сегодня снова водка на столе,
А в форточку ворвался южный ветер.

Зачем он вдруг проснулся среди зимы
И разбудил мои воспоминанья?
Ведь не были приятелями мы,
Я форточку закрою – до свиданья.

И остаюсь с собой наедине,
Пусть южный ветер за окном летает.
Цветы мороза вянут на стекле –
Цветы мороза в сердце расцветают.

Я тихое «прости меня» услышал,
И поцелуй, холодный, как укор.
Ты уходила, становилась выше

Поэта пьяного, что мелет вздор.

Вдруг стало нелегко и необычно:
Ведь так уходят только навсегда,
Из клетки так выпархивает птичка,
Чтоб не вернуться больше никогда.

И до конца ещё не понимая,
Я отпиваю водку из горла,
Не хочется мне верить, дорогая,
В мой страшный бред, в котором ты ушла.

Где я один и скоро протрезвею,
Пусть на закате, на восходе дня.
Шепчу, молю и глаз открыть не смею:
Любимая, прости, прости меня...

Ты в дом влетела, как пчела,
Готовая меня ужалить,
С собой подругу привела.
На кухню сразу – чайник ставить.

Мне резко бросила в лицо
Сверхунизительную фразу,
Но пред тобою подлецом
Я не бывал ещё ни разу.

Скотиной тоже не бывал
И уж тем более – подонком.
Без мата, но каков нахал!
Всё с расстановкой, с чувством, с толком.

Я этой ссоры не хотел
И от себя не ожидая,
Тебе ответил, как сумел:
- Люблю тебя... Прости, родная...»

Накинул старое пальто.
Всё ждал – быть может, остановишь,
Но добрых слов ты ни за что
В мой адрес больше не обронишь.

Понятно, что напрасно жду,
Молчишь и смотришь, как волчица.
Что ж, оставайся, я пойду
В кабак свиньёю становиться.

Пусть в полутёмном кабаке
Тоску свою я разгоняю.
Пусть стакан дрожит в руке,
Зато себя я понимаю.

Напрасно пробую опять
Развеселиться, выпив трижды,
Но водка не умеет врать –
Она горька, как правда жизни.

Я не расслышу пьяный бред

Уже подвыпившей соседки,
И не скажу, что я поэт,
Лишь губы промокну салфеткой.

И вновь налью себе полней,
Назло её вульгарной роже,
Я не пойду сегодня с ней –
Мне одиночество дороже.

Нехорошая

Мне осталась от любви головная боль,
Да тропиночка домой припорошена.
И прощальный поцелуй, как на рану соль,
Что ты сделала со мной, нехорошая?

Под ногами, как укор, тихо снег хрустит,
Я невесело иду под осинами,
А прощальный поцелуй на губах горит.
Всё же лучше б ты была некрасивая.

Отшумит хмельной дурман в буйной
голове,
Жизнь измениться ещё скоротечная.
Не узнаю никогда, знать не надо мне,
С кем ты завтра ляжешь спать,
бессердечная.

Заметёт метель-пурга мой неровный след,
Позабуду навсегда горечь прошлую.
Может, не было любви, может, вовсе нет...
А целую я опять нехорошую.

Я пил вино. Она мне улыбалась.
Вся снежная и юная совсем.
Она была, как мне тогда казалось,
Со мной одним и более ни с кем.

Стоял букет каких-то жёлтых листьев
На столике дешёвого кафе,
Стоял стакан, в стакане рислинг кислый
И грусть неодолимая в душе.

А между тем, зима уже повсюду
Слагала свой изящный белый стих.
Растает иней у неё на шубе,
Но не растает на висках моих.

И пусть она скорей, скорей уходит
С её дурною мыслью обо мне,
Но всё равно мне что-то вдруг напомнит
Её размытый силуэт в окне.

Она исчезла в мути снегопада,
Как молодость нетрезвая моя.
Лишь клён седой, державшись за ограду,
Жалел меня и понимал меня.

Опять взошла над Вологдой луна –
Сияет, будто пьяная царевна!
Как много было выпито вина!
Но только всё не перепить, наверно.

Бреду один сквозь тихий полусон
По тротуарам и по переулкам.
Не то со свадьбы, то ли с похорон,
Торчит бутылка из-под полушубка.

Куда, не знаю, годы пронеслись?
И седина легла, как будто иней.
Но помню я, как локоны вились
У той, что в мире не было красивей.

Я был влюблён, мне было не смешно,
Но что теперь мои печали весят?..
Качнувшись чуть, над Вологдой взошёл
Бродяга одинокий – пьяный месяц.

Алексею Швецову

И месяц на месте, и звёзды на месте,
И снег под ногами хрустит у меня.
И где-то звенит одинокая песня
Про крепкий мороз, про жену, про коня.

Заборы и крыши ночного заулка,
Канава, мосточки и носом в сугроб.
Встаю, отряхаю полы полушубка
И шапку пинаю, не падала чтоб.

Избушка моя за углом и налево,
Там нет никого, кроме грусти и грёз.
А может, с разбегу – и прямо на небо? –
По сучьям, по веткам замерзших берёз.

И месяц на месте, и звёзды на месте.
Про лёгкий мороз, про жену, про коня,
Опять зазвенит одинокая песня,
Кругом ни души, а пою песню я.

Распылил куда попало
Годы молодые.
Голова седою стала,
Мысли всё дурные.
Ухожу опять в объятья
Снежной карусели.
Белой выюги злое платье,
Закружи сильнее.

На балу среди снежинок
Обморожу душу.
Мне навстречу ведьма выйдет –
Приглашу старушку.
В страшном вальсе над землёю
Мы летаем вместе.

Я улыбочки ей строю,
Как своей невесте.

Поцелуй её притворный
Дряблыми губами,
И прощальный и холодный,
Вьюга между нами.
Я нисколько не жалею,
Мне ничуть не грустно.
Но уходят вслед за нею
Все живые чувства.

А когда душа отгадет
На дороге скользкой.
Злая ведьма вдруг предстанет
Белою берёзкой.

ЧАСТЬ 3

Здесь когда-то слагались стихи,
В этом тихом и пасмурном городе,
Где стада облаков, как грехи,
Нераскаянно плыли на холоде.

Снова осень, как годы назад –
Между лип, меж берёз, между клёнами.
Всё такой же висит листопад,
И всё так же гуляют влюблённые.

Только я уж давно не такой,
Поседевший, небритый, неласковый,
Не нашедший любовь и покой
В этом городе тихом и пасмурном.

Не сбежав от себя самого,
Пропую, прошепчу или выкрикну,
Непонятно зачем, для кого
На печаль обречённую лирику?

Наполнен тихим умилением,
Я здесь ступаю сам не свой.
Такие близкие деревья,
Сырой асфальт такой родной.

Заборы, переулки, лужи –
Всё в этом городе моё.
И я ему, наверно, нужен,
Как серым тучам воронё.

С моей тогдашнею печалью,
Когда под дождик в октябре
Я выхожу и вдруг встречаю
Неповторимое в судьбе.

И перелёт листка волнистый,

И мрачной птицы перелёт,
И взгляд сквозь длинные ресницы:
Неповторимо всё плывёт.

Плывут закаты и восходы.
Я обречён здесь понимать:
Идут года, проходят годы
За пядью пядь, за пядью пядь.

Свет фонаря течёт уныло
На грязный, заспанный перрон
И старый дворник торопливо
Сметает в кучу разный сор.
В буфете выпив водки, чаю,
Потом ещё наоборот,
Я друга из Москвы встречаю
Которого не видел год.

Как не люблю вокзалы эти,
Здесь дух тлетворный в ноздри бьёт,
Уже в немолодом поэте
Проснуться мыслям не даёт.
Наверно, всё же, я безумец.
Но всех столиц навек милей
Мне запах вологодских улиц
И вологодских тополей.

Вот эта осень, это утро,
Забор, фонарные зрачки,
И вот сейчас уже, как будто,
Той Незнакомки каблучки.
Она летит, она порхает,
Ей вальс играет строгий альт.
Как только, право, успевает
Поставить ножку на асфальт?

Она, как музыка, воздушна,
Забудь, поэт, что ты умел
Подглядывать и ранить души.
Твой стих сегодня не у дел.
И междометья замирают
От сердца бешеных толчков.
Я позабыл, кого встречаю
Под многоточье каблучков.

Теперь уж Вологда не та,
Но я люблю здесь прогуляться,
Всё ближе и милей мечта –
Забыться и не просыпаться.

Года, года, как много вас!
По этой улице когда-то
Я шёл, волнуясь, в первый класс
И повзрослевший, шёл обратно.

И забывал буквально всё,
Заметив бант соседской Ленки,

И платье школьное её,
И угловатые коленки.

Девичий, помню, падал взгляд,
Когда у белой, зыбкой вербы
Сказал «Люблю» я невпопад,
И поцелуй смешной, но первый.

А сколько было их потом,
Раздаренных кому попало.
Но юность скрылась за углом
Родного старого квартала...

Легонько ветер шевельнёт
Окурки, листья на асфальте,
А скучный дворник подметёт
Всю жизнь мою, как смятый фантик.

Скамейка рядом, я присел,
Поднял обломанную ветку,
Задумался, как будто съел
Совсем невкусную конфетку...

В осеннем тихом, обнесённом сквере,
Где спряталась церквушка от людей,
Всегда в одно назначенное время
Старушка кормит сизых голубей.

Они летят к ней, как с деревьев листья,
Вокруг неё устроив суету,
И не боясь, без всякой задней мысли,
Клюют из рук людскую доброту.

И поневоле хочется остаться,
К ограде незнакомой прислоняясь,
В самом себе немного покопаться
И ощутить невидимую связь.

Вот с этим тихим и безлюдным сквером,
С тем нищим, что на паперти сидит,
С, пока далёкой, непонятной верой,
С крестом, что на груди моей висит.

И пожалеть, что жизнь – она такая,
Что рано ль, поздно кончится она,
Что очень часто доброта людская
Оградой суеты обнесена.

Уже не жду и больше не мечтаю,
Что станет в этой комнате светлей.
Куда-то птицы снова улетают,
Наверное, туда, где потеплей?

Опять закапал дождик по карнизу,
Напротив в доме загорелся сет.
Поглажу понежней кота-подлизу –
Ведь молока на кухне больше нет.

Зайдёт сосед и сигарету спросит,
Предложит выпить, деньги беребя.
А на дворе вконец нищает осень
И в окна дышит тленом октября.

Не курится, не пьётся и не спится,
Как будто жизнь осталась вдалеке...
И кажется, надёжная синица
Вдруг стала мёртвой у меня в руке.

Не успел названия придумать
Всем далёким, мимолётным дням.
Неужели был когда-то юным,
Босиком носился по полям?

Как вот этот розовый мальчишка,
Я не знал ни горечь, ни беду,
Поправляя синие трусишки,
Сочиня песни на бегу.

И упругой тонкой хворостиной,
Как огромным, праведным мечом,
Я рубился в зарослях крапивы,
Ничего не зная ни о чём.

Неужели был когда-то счастлив
И скорее стать хотел большим?
Как вот этот несмышлёный мальчик,
Я ни разу в жизни не грешил?

И названья забывал придумать
Радостным и беззаботным дням.
И не знал, что я когда-то буду
Дни считать, подобно медякам.

Ушло, смешалось многое за годы,
Но помню клики трубные во мгле.
Как провожал мальчишкой в непогоду
Летающих птиц, уверенных в себе.

Потом бежал и грязью весь заляпан,
Остановившись на краю села,
Я им махал в бессилии и плакал,
Потом в кровати плакал до утра.

И через жизнь пронёс воспоминанье
Наивных дум и влажных детских глаз.
Но, чувствуя тогда, ещё не знал я,
Что так же горько будет мне сейчас.

Смешалось всё – и радость и невзгоды,
Среди всего я затерялся сам.
Но помню птиц, летающих в непогоду,
И дерзкий вызов мёртвым небесам.

Сегодня снова на дворе весна,

Не вспомнишь вдруг, которая по счёту?
Как голубей несёт голубизна,
Так жизнь и смерть – подобие полёту.

Как круто в небо голуби взвились,
А с крыш течёт весенняя отрава.
Такой простой и непонятный смысл
Приходит поздно и уходит рано.

Весна весной, чего тут понимать?
Но я грущу, как херувим опальный,
А взять перо, чернила – и... летать!
В итоге всё равно исход летальный.

Не сегодня я приду, не сегодня.
Мне души моей побег счастья не принёс.
Жизнь калекою бредёт до надгробья,
Где над кладбищем стоит табор ярких
звёзд.

Невозможно на земле, невозможно
Всё понять и предсказать и представить
всё.

Только кажется, порой так не сложно,
Разглядеть свою звезду там, где нет её.

Не узнают никогда, не узнают,
Что искал и не нашёл молодой поэт,
Там, где призраки и души летают,
Там, где нету ничего, даже смерти нет.

Куда б ни шёл, идти-то надо.
В печальной важности шагов,
В печали важной листопада
И жить, и вновь любить готов.

И что-нибудь начать сначала
Там, у неведомой черты.
А вслед уже метель ворчала,
Рисуя белые цветы.

И снова птицы, снова листья,
Немного солнца, снегопад.
А под ногами тот же мглистый
Мой путь – вперёд или назад?

Как горизонт черта уходит,
Как жизнь – её не перегнуть.
Мне суждено в любой погоде
И жить, любя. Любя – страдать.

Вдруг заиграет мятежная скрипка.
Слышится, видится, чудится мне:
Вьюжная музыка, злая улыбка
В белых цветах на замёрзшем окне.

Нет, не хочу ледящего света,
Этой смеющейся лысой луны.
Только закралось предчувствие где-то:
Вон, вдалеке чьи-то сани видны.

Скоро приедут, недолго осталось
Скрипке мятежной одной горевать,
Только бы, только бы отстала усталость,
Только бы время не двинулось вспять.

Только бы душа оставалась на месте...
Тихо вошли и стоят за спиной
Странные люди, недобрые вести...
Что-то случилось, наверно, со мной.

Всё в мире проходит, но только не время,
И вот сединою висок заблистал.
И жизнь, как бутылку до днища измеря,
Не много я понял, но много узнал.

Валялся в ногах у капризной Венеры,
С надеждою в сердце любовь я искал.
Но вот в одночасье остался без веры,
Стал, может, умнее. Богаче не стал.

Остались далече туманы, обманы,
Натруженный скрежет уставших колёс,
Хмельная улыбочка призрачной дамы,
Разрозненный табор несбывшихся грёз.

Да много всего, всё теперь уж не вспомню.
Пусть тянет в могилу, душа рвётся ввысь.
Но если помножить на рай преисподнюю,
Тогда, может статься, и сложится жизнь.

Когда я буду очень далеко,
Мои стихи останутся со мною,
Обняв меня остывшею листвою
Так бережно, так ласково, легко...

Последний раз, очнувшись в тишине,
Припомню всё от самого начала.
Сегодня жизнь со смертью повстречалась
Мгновением, оставшимся во мгле.

Пришла пора мне чувства отозвать
С молитвой, с причитанием о лучшем.
Свою летящую и раненую душу
Хотел открыть, но не сумел сказать...

На часах кукушка четверть куковала...

И с весенним шумом начинался путь.
Улыбнулось лето и околдовало
Тем, что в этой жизни больше не
вернуть.

Вот и половину бьют часы на башне...
И прохладной осень ранит красотой.
От чего – не знаю, я не плакал раньше,
А теперь так часто я траплюсь слезой.

Тихо на часах три четверти звенело...
В лоб поцеловала стужей зима.
И лежать осталось бездыханным тело,
И сходили стрелки на часах с ума...

Седая гадалка беду мне пророчит,
А кони в ночи, спотыкаясь, бредут.
И, как прокажённый, звенит
колокольчик,
И радость, и боль – всё останется тут.

Неблизкой дороги тревожные думы...
Кончаются чувства одно за другим.
Души обнажённой задеты струны,
С молитвой застынут и с матом благим.

А жизнь утекла, пронеслась, между
прочим,
И падают с неба и звёзды, и снег.
Не колокол звонит – звенит
колокольчик
Над местом, где я успокоюсь навек.

«Где ты живёшь? – спроси поэта,
В каких летаешь облаках?
Какой любовью мысль согрета
В твоих измученных стихах?»

Спроси его: «Какая муза
К тебе приходит по ночам?
И на черта тебе так нужно
Внимать её хмельным речам?»

Ловить её шальное платье,
Ловить пощёчины и смех,
Ловить улыбки и проклятья,
И знать, что ты не лучше всех.

Где ты живёшь? – спроси поэта,
Зачем не бережёшь себя?»
А он, не мудрствуя, ответит:
«Я не пойму. Не знаю я».

РАЗНЫЕ СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

РАЗНЫЕ СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ЧАСТЬ 1

ОДИНОКО НА ПРИСТАНИ...

Нетвёрдым шагом спозаранку
Больную голову несу.
Вчерашнюю припомню пьянку
И на закуску колбасу.

Всё повторимо в этом мире.
Туманный двор, в башке – туман,
Осталась память в той квартире,
Где водки не допил стакан.

Какие мерзкие погоды!
Наверно, ночью дождик был.
Какой-то пёс за огородом
Так понимающе завыл.

Гнилой забор, за ним крапива,
Бузины жухлые кусты,
Лежит бутылка из-под пива,
Пустая, как мои мечты.

И всюду грязь, и всюду лужи,
Не обойдёшь их, чёрт возьми.
В пивнухе свет, там Света служит,
Она работает с семи.

Бросив мокрый плащ на стулик,
Прислонишься ты к стене.
Летний, нежный, юный сумрак
Всю тебя обнял при мне.

Он скользит по складкам платья,
По лицу и по рукам...
Ты молчишь. Тебе приятно
Видеть, как схожу с ума.

Я несчастный, я ревную
К сумраку, к дождю, к стене.
Кто тебя сейчас такую
Обнимает всю при мне.

Помрачнев, сгустился сумрак,
И не стало видно стен,
И с улыбкой милой, чудной
Платье ты сняла совсем.

Но всю ночь, как будто пьяный,
И неловок, и смешон
По карнизу дождь упрямый
Шёл, срывался, снова шёл...

В баре

Она стоит за кружкой пива,
Взгляд на меня не устремлён.
Не то, чтоб очень, но красива,
И я в неё почти влюблён.

Согревшись водкой утром раним,
Весь мир вдруг стал не так уж зол,
К тому ж ещё и взор мой ранит
Короткой юбочки подол.

И жизнь уже не «рок событий»,
А эта юная газель.
Пора бы предложить ей выпить:
- Ты водку пьёшь, мадмуазель?

Когда-нибудь меня погубят
Не двести и не триста грамм.
- Каким расчёт за водку будет?
- Всего лишь поцелуй, мадам.

Дымит окурок, догорая,
Затеплился огонь в груди.
Она мне шепчет, как из рая:
- Прости, помада дорогая.
Ты лучше вечером зайди.

Я буду на ветру один стоять,
Наверное, о прошлом пожалею,
Когда пойму, что от меня опять
Уходит жизнь в знакомую аллею.

Что в этом парке осень, как тогда,
С галдящими, несносными грачами,
Что скоро снова будут холода...
Те птицы так же с веток мне кричали,

Что им пора отсюда улетать,
И может, даже этой самой ночью
Их чёрная безудержная рать
Сорвётся, разрывая небо в клочья.

И знаю я, что мне не улететь,
Не понимаю, как летают птицы,
И провожая жизнь, встречаю смерть,
Своим годам заглядывая в лица.

Порой не стоит память ворошить:
Вдруг ковырнёшь там, где особо больно,
Забыв, что есть печали у души,
К которым прикасаешься невольно.

Своей душе несчастной не соврёшь,
И приобняв какую-то девицу,
Вдруг именем далёким назовёшь
Её спугнув, как трепетную птицу.

Потом, зарывшись носом в воротник,
Ждёшь от себя нелепых оправданий.
Их произносит страстный мой двойник,
Он знает всё и врёт без колебаний.

Не понимаю, кто из нас поэт?
Кого на этом свете больше любят?
Возьми, девчонка, денег на билет,
Умчись отсюда к настоящим людям.

Со своими сиротскими мыслями
Не иду, не плыву, не лечу,
А стою одиноко на пристани
И уже ничего не хочу.

Кто-то юный мне машет из прошлого,
Оставляя надёжный причал.
Много в жизни прошло нехорошего,
Много в жизни хорошего ждал.

Словно где-то сорвали и бросили,
Ничего не поделаешь тут.
Кораблями потрёпанной осени
Опалённые листья плывут.

Поразмыслить... да кончилось времечко,
В путь прощальный пора кораблю...
Я у старенькой бабушки семечек
На последнюю мелочь куплю.

От снов от грёз и от мечтаний,
И, может, даже от себя
Я ухожу без колебаний
И не жалею, уходя.

Высоких замыслов безумства,
Любви возвышенной слезу –
Я пережил все эти чувства.
Теперь спокойно крест несу.

Иду, грущу, на солнце шурюсь,
На ум приходит разный бред.
Средь вологодских тихих улиц
Я, вроде, не плохой поэт.

Когда меня никто не слышит,
Пока один я в тишине,
Иду, грущу, а грусть всё выше –
Так высоко, что страшно мне...

Испорчен я судьбой своею,
Жаль, юности не воскресить.
А всё же я любить умею,
Но не за что меня любить.

И забываю временами,
Что всё умрёт, что всё уйдет,
Что в смятых травах под ногами
Букашка малая живёт...

От жизни взял совсем немного,
Но как покои мне обрести?
Я вновь пытаюсь верить в Бога,
Но не найду к нему пути.

Когда-нибудь помру, как грешник,
Зароют в землю, крест вобьют.
Непокаянный, безутешный
Последний свой найду приют.

И на могиле захудалой,
Нет, не завоюет верный пес.
Друзей и денег не бывало,
Любила муза лишь всерьёз.

И та в каком-то драном платье
И полупьяная всегда.
Я заключал ее в объятья,
Но понимал – лишь иногда.

Но где же, где же в рай ворота?!
Я не хочу горсть в огне.
Но где Господь?! Вдруг шепчет кто-то:
"Ты успокойся, я - в тебе..."

Наташе К.

Свободны и просты слова твои,
Не говоришь ты ничего такого,
Ведь мы с тобой едва-едва знакомы,

И нет меж нами никакой любви.

Приятно провожать тебя домой,
Легонечко руки твоей касаясь,
Чему-то незаметно улыбаясь,
И слышать рядом звонкий голос твой.

О чём молчат, сутулясь, фонари?
О чём таком несчастном шепчут листья?
Слова – всего лишь тени наших мыслей,
Но всё же говори их, говори.

Потом они забудутся легко,
Как это подозрительное счастье,
И ты мне никогда не скажешь "здрасьте",
Беря под руку парня своего.

И что с того, что ты со мной сейчас –
Так молода, улыбчива, красива.
За что, не знаю, но тебе спасибо.
Уже не будет лучшего у нас...

Осень пришла, листья падают.
Что-то уже позади.
И беспокоят, и радуют
Разные мысли мои.

В небе играет талантливо
И вдохновенно закат.
Девочка с беленьким бантиком
Смотрит, как листья летят.

Смотрит так чутко, так пристально,
Словно её там мечты.
Слышится тихая исповедь
Падающей листвы.

Лодка причалила к берегу,
Кто-то вернулся домой.
Жаль, что так поздно поверил я
В то, что зовётся судьбой.

Ну, что творит со мной бессонница?
И месяц выманил меня
В ночной квартал, где память кроется
И сонно бредят тополя.

И я пошёл навстречу призракам
Далекой юности моей
По стертým, неприметным признакам

Искать беспечность прежних дней.

Искать свою влюбленность первую.
Какое счастье было – жить!
И целоваться с ней под вербою,
И счастьем тем не дорожить,

Не понимать, что скоро кончится
Безумств весёлая пора,
И что душа брезгливо морщится
В разгульных пьянках до утра.

Теперь могу сказать уверенно.
Что никогда не станут злей
Те лица, навсегда потерянных,
Уже схороненных друзей.

Не позабыть, что сердцу дорого,
Пусть это – призраки, что ж, пусть.
Бессонной ночью околдована
Уже сложившаяся грусть.

Пустой квартал, огни фонарные,
Бред постаревших тополей,
Но годы, что ж, пускай бездарные.
Мне всё же всех других милей.

Ну что творит со мной бессонница!
И в жизнь я больше не влюблён.
Она отвергнутой любовницей
Уходит, как под утро сон.

Каким безлюдным мир казался,
Когда твоя закрылась дверь.
И ты с другим, и я остался
В прошедшем времени теперь.

Но помню, это было, было,
Когда прощения просил,
Так понимающе, уныло
Сентябрьский дождик моросил.

Искал любви во взгляде строгом,
Как крови жаждущий вампир,
Но ты гнала меня с порога
В безлюдный, потемневший мир.

Сказала ты, что я не нужен.
Не совершишь ошибки впредь.
Что все-таки гораздо лучше
Поэтов издали смотреть.

И что тогда мне оставалось?
Ведь не замаливать грехи?
Бог для души – одна усталость.
И я ушёл в свои стихи.

И было на душе не просто,
Скорей, совсем наоборот.
За мною не всходило солнце,
А только плёлся чёрный кот.

Мне не забыть. И Вы запомните
(Я знаю, что я говорю),
Когда, вдвоём оставшись в комнате,
Бросали мне любовь свою.

Когда рукою чуткой, трепетной
Я шпильки с пола поднимал
И с вдохновенным, нежным лепетом
Портвейном наполнял бокал.

Вы мне бросали счастья россыпи,
Казалось, я любил всерьёз,
И по подушкам, и по простыни
Разгул взбесившихся волос.

И голос Ваш нетрезво-сбивчивый,
И жадность губ сквозь темноту
Я все ж любил и был, поистине,
У чувств разрозненных в плену.

О, сколько раз мне душу жалила
Любовь, которой в мире нет.
Но, как ворона над проталиной,
Клевал я снова этот бред.

И было утро с его знаками,
Что ночь прошла, улёгся пыл.
Вы, надевая платье, плакали,
Просили, чтоб я всё забыл.

И Вы ушли, чтоб вновь не встретиться.
И я судьбу благодарю,
Что в первый раз чуть не повесился.
Я знаю, что я говорю.

Я видел жизнь в хмельном угаре,
Но праздник боком повернулся.
И через сорок лет в канаве
С душой истерзанной проснулся.

Кому такой я буду нужен?
И, с грустью это понимая,
Как старый пес, напьюсь из лужи
И побреду, куда – не знаю.

А вслед летит не взгляд лучистый,
А наглый смех и окрик грубый,
Но я пока не разучился
Показывать гнилые зубы.

Ну что ж, пускай всё так: один я,
Никто меня не понимает.
Душа потрёпанные крылья
Опять зачем-то расправляет.

И смотрит ввысь самовлюблённо,
В полёт последний собираясь,
Легка, горда и окрылённа,
Она не знает слова "старость".

Я прожил жизнь, как мне хотелось,
Пусть промелькнула, как комета,
Но в этом есть дурная прелесть...
Кому-то непонятно это...

И, улета в день ненастный,
Крылом прощально машет птица.
Но тем мгновение прекрасно,
Что никогда не повторится.

Самовлюблённым идиотом
Вновь предстаю перед собой.
Душа – потёмки, жизнь – болото,
И спрятан камень за душой.

Зачем с собой играю в прятки?
Ищу себя, чёрт знает где,
Бегу, безумно, без оглядки
От Бога в лапы к Сатане.

Пугая ангелов крылатых,
Вытаптывая райский сад.
И все кругом лишь виноваты,
Один лишь я не виноват.

А мысли, словно стая гончих,
Вразброд уносятся туда,
Где нет следов моих и, прочих
И уж не будет никогда.

Потом опять себя жалею

И оправдания ищу,
Страдаю, маюсь и болею,
В конце концов, себя прощу.

И не пойму, чего ж мне надо?
А жизнь, как пропитый пятак.
Душа и рада и не рада.
Что быть собой – такой пустяк.

Проводит в ночь, чуть скрипнув петлями,
Меня гулять чужая дверь,
В холодный город неприветливый,
Где было множество потерь.

А снег идёт легко и медленно,
Как плавный музыкальный строй,
И в белом вальсе кружит ветрено
Под фонарём снежинок рой.

А я ищу любовь последнюю.
Быть может, в жизни есть она?
Звезда глядит в звезду соседнюю.
Наверно, тоже влюблена?

Луной обласканные улицы,
Притворный отблеск старых крыш...
И ничего уже не сбудется.
И где-то ты, родная, спишь.

К простому чувству безответному –
Последнюю любовь найти –
Давно меня склоняют трепетно
Все звёзды Млечного пути.

Никогда

Когда пошёл, ты говорила:
- Не возвращайся никогда,
Я навсегда тебя забыла.
(Какие страшные слова).

Но всё же ты их мне сказала,
В глаза стараясь не смотреть.
Я, на тебя взглянув из зала,
Услышал только слово «смерть»

Мне жизнь не кажется театром,
И в ней, увы, дублёров нет,
И мне не быть комедиантом,
Когда кругом померкнет свет.

И знаю я, никто не встретит

Меня ни пулей, ни клинком.
Наверно, это хуже смерти –
Остаться пьяным дураком.

Искать несбыточное счастье,
Брести за тридевять земель,
Навек с любимой распрощаться
И ощутить, какой ты зверь.

Как ставит на тебя калканы
Полуголодная судьба.
И нет друзей, кто есть – те пьяны,
И в их кругу найти себя –

Наверно, это всё же больно,
Пока ещё рассудок есть.
И встанет дыбом подневозльно
Уже не волосы, а шерсть.

Когда тебя с другим увидишь,
Как он ведет тебя домой,
В груди не крик, а рык расслышишь,
И он уже почти родной.

Потом, от злости стервенея,
Стирать дырявые носки
И спрашивать, какое время
Сегодня давит на виски?

А время всё одно и то же:
Невзгод сплошная череда.
Подумай, милая, и всё же
Не говори мне "никогда".

С тобой земля подобна раю,
И благодарен я судьбе.
Но я тебя совсем не знаю.
Скажи, какая ты в себе?

Быть может, ты – цветок осенний,
Прохладной нежности полна
И этот аромат последний,
Увы, не мне отдать должна.

А может, ты, как ночь, печальна.
Ночь без луны, без звёзд, без сна.
И здесь со мною ты случайно
И быть с другим сейчас должна.

Быть может, ручеек игривый?
Как серебристая волна,

Со смехом пронесёшься мимо,
К тому, с кем рядом быть должна.

А может, ты – далёким эхом
Разбуженная тишина?
В воображение поэта
Ты навсегда уйти должна.

А может быть, как птице в небе,
Свобода лишь тебе нужна.
И напрямик летишь к победе,
И никому ты не должна.

Без света к мраку привыкаешь.
Все это так знакомо мне.
Наверное, сама не знаешь,
Какая ты в самой себе.

Обыденный устой нарушен.
Опять с бедой мне по пути.
Чужие звёзды смотрят в душу,
Но не дают с ума сойти.

Не заблудиться бы среди улиц,
Таких обманчиво-родных,
Где фонари стоят, сутулясь,
И я бреду под светом их.

А где-то музыка играет,
Навязчивая, словно блядь,
И здесь меня никто не знает
И не пытается понять.

А может быть, и вовсе нету
Меня среди этих всех людей?
К такому страшному ответу
Пришёл я, мёртвого мертвей.

Слышно в парке, как падает лист.
Лист горящей, как пламя, рябины.
Я сегодня не понял каприз
Окрыляющей душу Марины.

Я сегодня в аллею забрел
И присел на скамейку под вязом,
Столько золота сыпал мне он,
Что Марина влюбилась бы сразу.

А потом, вдохновенный, пришёл
Всепоощающий, призрачный вечер.

Было лучше, почти хорошо,
Когда шла мне Марина навстречу.

А она улыбалась и шла
Меж кострами горящей рябины,
И моя полетела душа
Прямо в губы капризной Марины.

Перед глазами сонные картины:
Покрыты снегом рощи и поля.
И что-то навсегда проходит мимо,
Не успевая разбудить меня.

Стоят кружком березки, как больные,
Невесел их уснувший хоровод,
И я, уставший жить, болею с ними.
Мне кажется, уже не первый год.

И чувство непонятное знакомо.
С ним на душе печально и легко,
Проезжая дорога рядом с домом
Уносит мои мысли далеко.

И, провожая с миром день вчерашний,
Я вдалеке расслышу, наконец,
Моей судьбы, навеки опоздавшей,
Загадочный российский бубенец.

Туман над городом серебряный
Меня встречает холодком,
Когда иду, в себе уверенный,
Здесь всем собакам я знаком.

Из подворотни Рыжик выскочит,
Вильнёт обрубленным хвостом,
Своё признание мне выскажет,
Лизнув шершавым языком.

А здесь осталось всё по-прежнему:
Березы, клёны, тополя...
И утомлённых глаз не режет мне
Туманом стертая заря.

И снова здесь багряной осенью
Родные нахожу штрихи.
Пусть уставшие и с проседью
Роняю на асфальт стихи.

Я в детстве здесь поклялся городу:
Из разных стран, из всех столиц

Я буду возвращаться в Вологду,
Чтоб снова слышать здешних птиц.

В кустах над речкой неширокой,
В тени затейливых ветвей
Самозабвенно, одиноко
Невидимый пел соловей.

Ласкает ветер гладь речную,
Рябь побежала по воде,
А я опять один ночую
В своей прокуренной избе.

И много, много не понятно,
И много надо мне решить.
Но все-таки чуть-чуть приятно,
Что больше некуда спешить.

Ах, неужели ты смеёшься
Над грустью, глупый соловей.
В себе вовек не разберёшься,
Хоть, кажется, что всех умней.

Зачем ты душу отравляешь?
Ведь, не любя и не скорбя,
О чём поёшь, ты сам не знаешь.
За то и слушаю тебя.

Нет, не забыть того, что кончено.
И, одиночество любя,
Передо мною, как воочию,
Проходит скорбно жизнь моя.

Законы бытия нарушены,
И я забрёл не в свой удел,
Ни жив, ни мёртв, гуляю с душами,
Которых раньше не жалел.

Копаясь в непроглядной памяти,
Ладонями закрыв лицо.
Себя увижу я на паперти
Среди бродяг и подлецов.

И повторяю клятвы заново,
И, вспоминая, как грешил,
Смирненно каюсь на развалинах
Своей загубленной души.

В колоколах спасенной звонницы
Расслышу времени полёт.

И призрак умершей любовницы
Меня вдруг под руку возьмёт.

Нет, не бывает в жизни лучшего,
Чтобы покаяться в былом
И с новой верой ждать грядущего –
На этом свете, не на том.

Т.Серяковой

Какие могут быть мечты,
Когда давно в душе покойник?
Завяли красные цветы,
Осыпались на подоконник.

Я мусор собираю в ладонь,
Без сожаленья и без грусти
Былое зашвырну в огонь,
И пусть мне Бог грехи отпустит.

Мой уголок ничтожно мал,
А мысли далеко уводят.
Но я чужой любви не крал
И в этом часто был не понят.

Опять стоит пустым стакан.
Забвенье водка обещала...
Прилягу на гнилой диван,
Пружины взвизгнут одичало.

Ничто мне душу не свернет.
Без сожаленья и без грусти
Давно забыт ее полет,
И пусть мне Бог грехи отпустит.

Теперь, когда все позади,
Я в одиночестве и пьяный...
Но я не крал чужой любви,
Лишь называл ее Татьяной.

Как беглый раб, как пес неверный,
Лишившись кованых цепей,
Помчался я на зов химеры,
На свет потушенных огней.

На отблески зари вчерашней,
На звуки песен ветровых,
Искать следы звезды упавшей,
Искать себя среди живых.

Неумный?.. Что ж, пускай неумный...

Смешон?.. Ну что ж, пускай смешон.
Пускай своей химеры чудной
Я в этом мире не нашёл.

Безумцем быть кому-то надо
И в жертву приносить себя,
Лететь, скакать... а если падать,
То только с белого коня.

Часть 2

ЗА РОДИНУ

Загляжусь в эти дали багряные,
Что сосут мне глаза прямо до сердца.
Всё ж на свет не рождаются пьяными,
И уйти мне до срока не хочется.

Только здесь журавлиною осенью,
Где пылают рябины с осинами,
Принимать то, что на душу просится
И хмелеть на краю неба синего.

Ничего не загадывать загодя...
Только здесь все любовью измерено.
В предзакатных лучах тихой заводи
Плещет рыба у самого берега.

Одинокий ветряк покосившийся,
Вот деревня соседняя Талицы,
Колокольчик коровы отбившейся
По соседнему полю шатается.

Вдоль дороги кусты облетевшие,
На холме – православное кладбище.
Все такое простое, безгрешное,
Присмотрюсь и увижу когда ещё?

Чтоб всегда, навсегда, всеми чувствами,
Узнавать эти знаки влюбленные.
Наша родина здесь, все мы русские –
И бездарные, и одаренные.

Ива

Вижу, ива склонилась над речкой,
Уронив свои косы в струю.
Может, есть и у ивы сердечко,
Чтобы выплакать душу свою?

Непонятно, о чем загрустила,
Может, выглядеть хочет нежней?
Чтоб ночами приветливо милый
В её руки летел соловей?

Может, ждёт она, чтоб загляделся
Стройный клен на другом берегу.
Как изводится девичье сердце
И понравиться хочет ему.

Вижу, ива склонилась над речкой,
Уронив свои косы в струю.
Может, есть и у ивы сердечко,
Чтобы выплакать душу свою?

Берёзка

Под вечер за калитку осторожно
Ты, как девица, вышла погулять.
Тебя, такую, полюбить несложно,
Твой робкий шелест трудно не понять.

И загрустила, глядя на дорогу.
Я сам по ней надолго уходил.
Ты мне махала, затаив тревогу.
Ты много песен знаешь и могил...

Но мне чужой совсем не надо боли
И мне чужая песня не нужна...
Гуляй в лесу! Гуляй во чистом поле!
Земли российской скромная княжна.

Закат погожий день пророчит,
Как будто небо где-то жгут.
И тени августовской ночи
Из леса все смелей ползут.

На старой лавочке у дома,
Всё передумав и забыв,
Сиж, курю... В душе - знакомый,
На лад настроенный, мотив.

И неслучайно предо мною
Девица с ведрами пройдёт,
С улыбкой, как сама, простою
На чай с вареньем позовёт.

Деревня, милая деревня,
Вот за такую простоту
Я полюбил и чай с вареньем,
И девью русую косу.

Здесь жизнь струится через душу.
Не нарушая мой покой,
Меня подглядывал и слушал
Над крышей месяц молодой.

Показался в небе месяц.
На деревне полумрак.
Слышу звуки девьих песен,
Лай зареченских собак.

На лугу ночные кони.
У реки горит костёр.
Я счастливый поневоле,
Что не где-то – здесь – рожден.

Что придет ко мне девчонка,
Будет жарко обнимать,
А ее густая челка
Целоваться нам мешать.

Что её мне ждать приятно,
Что все боли из души,
Позагладив аккуратно
Спрятал ветер в камыши...

Дочке Алинке

Жаркий день, луга, река, деревня.
Чистый свод распахнутых небес.
И былинным великаном дремлет
За деревнею сосновый лес.

Не хотел я верить, и не надо,
В то, что здесь меня никто не ждёт.
Ведь ждала меня, ждала отрада,
Светлых чувств взволнованный полёт.

Не расслышу сразу, не замечу,
С криком "Папа!" и сачком в руке,
Как дочурка мне летит навстречу
Ласточкой в ромашковом венке.

Кажется, довольная такая,
Ничего не зная наперед,
Через всю деревню, распевая,
К недовольной маме приведет.

И опять ложится тень на сердце.
И опять кругом мрачнеет всё.
Это жизнь. И никуда не деться.
Только так мы чувствуем её.

Из моего окна Париж не виден
И Эйфелевой башни не видать.
И вот уже печален и унынен
К закату день склоняется опять.

А новизны, и правда, не хватает,
Но вновь смотрю, навеки любя:
Туманом вечер нежно укрывает,
Увы, не Елисейские поля.

Речушка наша Сеной не зовется,
Но будет сено, вот вода спадет.
Под половицей смело мышь скребётся,
Кот Васька даже ухом не ведёт.

Но утро снова будет мудренее,
И Васька мой поймает эту мышь.
А из избы, что на краю деревни,
Мне начихать, какой он там – Париж.

В берёзовые косы
Звёзды вплетены.
В траве родятся росы,
На небе – серп луны.
Не буду больше думать
О грустном, о плохом.
И на рыбалку утром
Отправлюсь босиком.
Течёт река Комёла
На родине моей,
И я дождусь поклёвок
Сорожки, окуней.
И на лесной опушке
Польётся время вспять.
И будет там кукушка
Мне жизни прибавлять.

Давно, давно я не был здесь,
А здесь до боли хорошо.
Я нежностью проникся весь.
Россия, здравствуй. Я пришел.

И красным лебедем рассвет
В туманных плещется волнах,
Но лебединой грусти нет
В его раскинутых крылах.

Ко мне спешат из темноты
Знакомой, памятной тропой

Росой умытые цветы,
Воспоминаний детских рой,

Почти забытые уже
Пичужек ранних голоса,
И трепет в тронутой душе,
И умиления слеза.

Пора, пора, рассвет, вставай!
Летят ко мне издалека
Проснувшейся собаки лай
И дерзкий выкрик петуха.

И вон уже, подать рукой,
Какой ни есть, а отчий дом.
Склонилась ива над рекой,
А клён склонился над прудом.

И, удивлённый бросив взгляд,
Ворона каркнула мне вслед.
Мостки прогнившие скрипят,
Их дед стелил, но деда нет...

Виденье

Я видел пожары заката
И женщин, гонимых в полон,
Как смотрит на Русь диковато
Мой пращур – раскосый монгол.

Мне виделись вольные степи,
Несметного войска огни,
Казалось, один я в ответе
За раны родимой земли.

Я видел кресты вдоль дороги
И пятна потухших глазниц,
Страданье избушек убогих
И с криком взлетающих птиц.

Россия, то пляшешь, то стонешь,
То ждёшь отпущенья грехов
И тихо в забвенье хоронишь
Своих бескорыстных сынов.

Здесь вечно не войны, так бунты
Такая судьбина твоя.
Я чувствовал, знал я как будто
Свободу, добытую зря.

Виденье растаяло вскоре,
Но в память запали слова:
- О Русь моя, хочется спорить.

Но в сердце всегда ты права!

Вновь где-то на гусях тревожно играет
Слепой седовласый старик.
Невидящий взгляд в поднебесье летает,
И голос срывается в крик.

Не трудно понять то, что люди – не боги...
Такой одинокий, как перст,
Стоит, покосившись, у самой дороги
Грачами засиженный крест.

Видны издалёка облезлые стены
Покинутых Богом церквей.
Но всё же опять за вражду, за измены
Всевышний прощает людей...

Раскинулось поле, как чистая скатерть,
И кажется будто сейчас
С высокого неба сойдет Богоматерь
И людям младенца отдаст...

И в ликах святых, далеко неземную
Поняв сторожащую грусть,
Так хочется верить в святую-святую
И долгую, долгую Русь.

А. Маланину

Я увидел однажды девчущку –
Вся в кудряшках немых волос.
Она пела, держа печенюшку,
На углу среди ног и колёс.

Протянув свою ручку несмело,
С детской робостью взгляд отводя,
Она пела, стеснялась и пела,
Как внебрачная дочь соловья.

И дрожали припухшие губы,
Выпуская души голосок.
Я прошел и, как можно не грубо,
Подав деньги... но руку – не смог...

Часть 3

ПУСТЬ ОСТАЁТСЯ

Где-то женщина есть в этом городе.
Где-то с нею мое вдохновение
Безрассудно блуждает на холоде
То ли в прошлом, то ль в будущем
времени?

Где-то падает снег одиночества,
И звезда одинокая падает.
Этой женщине ласки не хочется.
Одиночество женщину радует.

Вдохновенье, мое вдохновение,
Ты глазами взгляни тёмно-синими.
Нет на свете тебя откровеннее.
Нет той женщины в мире красивее.

Я уйду, ты останешься с ним
В нашей тихой гостиной с картинами.
Никогда я не стану другим.
Мы не будем друг другу противными.

Я твой взгляд на себе унесу
И, ногами по осени шаркая,
Меж домов заблужусь, как в лесу,
Под воронье зловещее карканье.

Вот и всё. Я тебя потерял. Ты с другим.
И какая мне разница?
Но зачем?... Почему?... Если б знал.
Даже сердце себе не сознается.

Дожди, дожди тоску усугубляют,
Не слышно птиц, никто дождям не рад.
И лишь собаки вяло подвывают.
Дожди... Тоска который день подряд.

Среди домов, промокших и раскисших,
Средь осени, теряющей свой цвет,
Над лужами скользя, спешит поникший
Какой-то горожанки силуэт.

Задумаюсь, в дверях остановившись,
Куда пойти? Какой мне путь избрать?
Свою тоску, как оправданье жизни,
Пытаюсь по-другому понимать.

И мне порог переступить не просто.
Из дома вновь мне хочется домой.
А под дождем на вечном перекрестке
Задумался о чем-то призрак мой...

Снова А. Ломковскому

Дела забросив, о друзьях забыв,
Я потревожу книжных полок пыль.
Прочту поэтов вечно молодых,
Прочту про небыль и прочту про быль.

И, может, сам я что-то напишу,
Когда затронет душу стройный стих,
Потом своим приятелям скажу,
Что это мы с Рубцовым на двоих.

А если не выходит ничего,
Скажу, что Саша Блок мне помешал,
Пришёл Есенин, выпил все вино,
И что-то Маяковский накричал.

И Лермонтов, и Пушкин были тут,
Перед дуэлью свой снимали стресс,
Не зная, что в историю войдут.
За ними вслед – Мартынов и Дантес.

И, как всегда немного опоздав,
Явились дамы, будто невзначай,
- Марина, Анечка! О Боже прав...
Портвейна нет, остался только чай.

Поэтов-земляков совсем не ждал,
Но Коротаяев с Ледневым зашли,
Седой, как лунь, Романов Александр
С Беловым про деревню наплели,

Потом зашли друзья. Без лишних слов,
На стол бутылки ставят, как в бреду,
Козлов, Ломковский, Алексей Швецов.
Но это оказалось наяду.

Ведь не зря же грачи прилетели.
Чёрной тучей сидят в тополях
И галдят, прогоняя метели,
Что ещё притаились в полях.

А отлаженных чувств – кот наплакал.
Не привык улыбаться весной.
Воробей наложил свою лапу
На скворечник, пока что пустой.

Не смешно. Дуст ветер холодный.
Чуть меня не столкнув второпях,
Дранный пёс, но на вид не безродный,
После свадьбы бежит в репях.

Фонари отражаются в лужах,
Отражаются в лужах дома.
Только я никому здесь не нужен.
Я прошел, как проходит зима.

Был ли я? А, наверное, не был.
И душа безнадежно молчит...
Не смешно. А на серое небе
Вдруг накнулись с криком грачи.

В кругу друзей, среди подруг капризных
Я в желтых пальцах сигарету мну.
Не поумнев от непонятной жизни,
Я предаюсь раздумьям и вину.

Здесь много света, много тьмы в
окошке.
Там тишина. Так много звуков тут.
Глядит, как сыч, испуганная кошка.
Никто не знает, как её зовут.

Здесь под столом порожняя посуда.
А где-то звёзды падают с небес.
Здесь, откровенно, не бывает чуда,
Здесь только пьют, и кто-то даже ест.

Улыбки, взгляды, поцелуи, крики,
Коленки пьяных симпатичных мисс.
А из угла страдальческие лики,
Не понимая, смотрят сверху вниз.

И вместе с ними я не понимаю.
Давно уже невесело мне тут.
Я дверь себе и кошке открываю.
Которую не знаю, как зовут.

Наверно, одиночество мне ближе.
Я ухожу, приятно удивлен,
Что никого давно не ненавижу
И ни в кого давно уж не влюблен.

Может, мы с тобой уже не встретимся
В этой жизни больше никогда.
По весне, в капризном мае месяце
Я уйду, как вешняя вода.

Не тревожа, не прося прощения
За печаль, доставленную мной.
И, ступая улицей весеннею,
Ты промочишь ноги той водой.

Каблучки твои не перепутаю.
Лучшие желания просты –
Лишь обнять твою сырую туфельку.
Только чтоб не простудилась ты.

Что за напасть вьюга кличет?
Не узнаешь наперёд.
Что по всем проулкам ищет
Белый злобный хоровод?

Закружит, в лицо мне бросит
Стаю колющих снежат.
На висках искрится проседь...
Как давно я был женат...

Не видать во мгле дороги,
В темень брошено кольцо.
Но опять выносят ноги
На знакомое крыльцо.

В её окнах свет зажётся,
Тень скользнула в неглиже.
Беспокойно сердце бьётся:
Может, замужем уже?..

Завывает, кружит вьюга,
По пути сегодня с ней.
Невесёлая подруга.
Обними меня сильнее.

А. Степанычу

Уже стемнело. Я один скитаюсь
По улицам холодным и пустым.
Любимой нет, мы навсегда
расстались,
Она теперь уж далеко, с другим.

Вдруг стало легче... Чутьочку иначе...
Не одиноко, проще говоря,
А оказалось, это пёс бродячий
В меня уставил свой пытливый взгляд.

Мы, как свои, друг друга понимали.
Он ближе подошел. Я закурил.
Он умными собачьими глазами,
Не может быть, но всё же говорил:

- Тебе, видать, не очень сладко тоже.
А колбасы, случайно, не припас?
Конечно, все предвидеть невозможно,

Я не в обиде, можно не сейчас.

Получше дни и у меня бывали.
Я помню как-то на одном дворе
С весёлой девочкой мы в мяч играли,
И я мечтал о теплой конуре.

Потом за ней уверенно шагал я,
Она вела меня к себе домой,
Но почему-то женщина большая
Меня с порога двинула ногой.

Ты не смотри, что я такой облезлый,
Ведь по гостям бываю редко зван.
Помойка за дорогою железной –
Мой самый лучший в мире ресторан.

Но очень часто там бывают драки,
А ростом я совсем не волкодав.
Но я не трус. Ведь все же я – собака.
Хоть точно знаю: кто сильнее – прав.

Ещё один тебе секрет открою,
Как вспомню, так охота волком выть:
Чуть не подох я прошлого зимою,
А эту, чувствую, не пережить.

Ты не грусти, всё, может, обойдется.
Она ушла, а ты её прости...
Ведь надо жить. Возможно, попадется
Получше сучка на твоём пути.

- Ну, делать нечего, пошли, бродяга.
Ещё успеем колбасы купить.
Когда случится в жизни передрыга,
То ночью будет с кем теперь повыть.

Красивая девчонка из Заречья.
Опять я от тебя иду пешком
Забудь, Наташка, ласковые речи,
В них истина немножко под хмельком.

Я спотыкаюсь вновь на ровном месте,
И вновь иду, и спотыкаюсь вновь
На железнодорожном переезде,
Где кончились бутылка и любовь.

Я больше не приду к тебе, Натаха.
Другое имя буду повторять.
Под звездами Ковыринских бараков
Другую девку буду целовать.

Александр Ломковский
"О Саше Алексееве"

1

Познакомились мы с ним в декабре девяносто пятого года. Я уже тогда начал посещать литобъединение "Ступени", возглавляемое в ту пору Галиной Шекиной. Скольким молодым литераторам она дала "путёвку в жизнь"! Многим, как, впрочем, и мне тоже, помогала добрым словом, советом. Всегда заставляла что-то делать, не стоять на месте.

В один из вторников, по которым и собиралась в библиотеке на Панкратова литартельская братия, зашёл ко мне мой друг Виктор Иванович.

- Скучаешь, курилка? - поинтересовался он, уже с порога подманивая меня бутылкой какого-то сухого вина.

Я позволил себе чуть презрительно ухмыльнуться: ещё бы! Буквально два дня назад наш общий приятель Сашка Петухов привёз мне пять (!) "полторашек" чистого медицинского спирта. Но перед заседанием в библиотеке, спирт было пить не с руки, и поэтому мы всё же решили

ограничиться сушняком. На заседании в тот вечер обсуждалась новая книжка поэтессы Ольги Кузнецовой "Больше света!". Народу было много. Кого-то я видел впервые, кого-то знал уже достаточно хорошо, кого-то представлял себе только понаслышке. Оля читала свои стихи – светлые какие-то, вполне соответствующие названию книжки – негромко, с какими-то, только ей присущими, чудесными задушевными интонациями. И общество, надо сказать, внимало, растворялось в её стихах, слушало. И всё шло хорошо до того момента, пока со своего места не поднялся здорово-таки подвыпивший усатый парень и, топорща пальцы, произнёс буквально следующее:

- Оля, всё, что ты тут читала – фигня! Есть у тебя в этой книжке одно стихотворение на тринадцатой странице, - тут парень достал книжку, потряс перед своим носом и сунул обратно в сумку, болтающуюся на плече. - Вот это – сильно! Вот об этом и пиши! - и снова сел на место.

Общество захихикало, запереговаривалось, зашуршало. Виктор Иванович подтолкнул меня втихаря локтем и показал глазами на дерзкого посетителя. Затем выразительно поглядел на мои кулаки. Я согласно кивнул, соглашаясь с ним в душе, что неплохо было бы при случае проучить наглеца.

Ольга, чуть сконфуженная, ещё минут пять почитала стихи, и после этого Галина Александровна объявила перерыв. Мы с Иванычем отправились покурить в туалет. Курил один я, а Витя просто зашёл за компанию. Впрочем, почти тут же и сбежал куда-то наверх. Неожиданно в туалет вошёл, сильно покачиваясь, тот самый парень, советовавший Ольге писать так, как было написано на тринадцатой странице. Я усмехнулся – лучшего случая поквитаться за обиженную девушку и не придумаешь! Парень же, видимо, принял мою усмешку за приглашение познакомиться.

- Я не один тут, - голосом в котором проскальзывали небольшие трещинки сказал он.

Я недоумённо заглянул ему за спину. Больше с ним никого не было. Он же рассмеялся.

- С подругой я!

Моё недоумение возрастало всё больше и больше - неужели уса́тый дебошир ещё и подругу свою какую-то в мужской туалет пригласил? Что за чертовщина?! Меж тем, парень извлёк из своей сумки опорожненную наполовину бутылку водки.

- Вот подруга! Будешь?

Я ошарашено кивнул головой. Парень первым глотнул из горлышка и протянул бутылку мне.

- Давно к Галине ходишь? - закури-
вая, поинтересовался он. - Я тебя уже
здесь видел. Ты ведь в двадцать второй
учился?

Я снова кивнул, подтверждая, что,
действительно, я хожу в "Ступени" и
также учился в двадцать второй школе.

- А я тебя ещё по школе помню. Ты в
Ковырине жил.

Я вгляделся в него попристальнее, но
так и не вспомнил - память на лица у
меня отвратительная. Тем более что
после окончания школы уже прошло
пятнадцать лет. Хотя, помнить меня он
мог - ковыринскую шпану в школе знали
все.

- Алексеев, - не называя имени, пре-
дставился он, протягивая мне руку.

- Ломковский, - отплатил я той же
монетой и пожал руку.

- Братана твоего знаю, - сказал он и
вновь приложился к бутылке.

- Я тоже его знаю, - согласился я и
отнял у него водку.

- Блин, жалко - водка кончилась, -
загоревал он, тоскливо глядя на пустую
посудину.

- Не жалея, - посоветовал я. - У
меня дома спирт есть.

- Живём! - обрадовался Алексеев. -
Можно, я друга возьму?

Мы поднялись наверх. Виктор Ивано-
вич с интересом рассматривал какую-то
картину, висящую на стене в холле.

- Задний план подгулял, - сооб-
щил он мне, показывая, где именно на
картине "подгулял" задний план.

Я ему поверил - Виктор Иванович
являлся профессиональным худож-
ником и в таких вопросах был докой.

- Рыжаков, - шепнул я ему на ухо,
- сваливаем отсюда по-тихому. Идём
ко мне спиртягу жбанить. Всё инте-
ресное мы уже посмотрели.

- Согласен! - тут же отозвался
Иваныч.

В этот момент к нам подошли
Алексеев и невысокий мужичок с
дипломатом.

- Идём спирт пить? - улыбнулся
"дипломатносец", пожимая нам с
Иванычем руки.

Мужичка я знал. Он уже не еди-
ножды выступал в гостиную, разбирая
произведения различных авторов. И
говорил толково и грамотно - мне бы
так ни за что было не сказать.

- Алексей Швецов, - полностью
отрекомендовался он.

Что-то смутно-знакомое почуди-
лось мне. Где-то я уже слышал это
сочетание фамилии и имени. Но, так,
конечно, и не вспомнил. Таким вот
составом мы и отправились ко мне
дегустировать "петуховский пода-
рок". Радости вновь прибывших не
было предела, стоило мне выставить
на стол "полтораху" чистого меди-
цинского.

- Это ж, на сколько времени мы у
тебя тут зависнем? - подсчитывая,
загибал пальцы Швецов.

- Я-то думал, что у тебя тут в мен-
зурке капнуто! - восхищался Алек-
сеев. - Где надыбал?

- Товарищ один подогнал, - чест-
но отвечивал я. - В рамках куль-
турного обмена - я ему книжку сти-
хов, а он мне много-много спирта.

- Ого! - удивились приятели. -
Так ты поэт?

- Учусь ещё... - заскромничал я.

- Мы тоже поэты, - заявил Алек-
сеев.

Во время этого разговора я быстро
собирал на стол: крупно порезал хлеб,

достал варёную картошку и солёные огурцы. Больше у меня всё равно ничего не было.

- Выпьем за меценатов! - произнёс первый тост Виктор Иванович.

Выпили, крикнули, подышали через рот, остужая обожжённые глотки. Покурили и тут же налили по второй. Иваныч уже настраивал гитару, собираясь порадовать гостей песнями.

- Кто откуда – вдруг! - неожиданно произнёс Швецов звучным и сильным голосом, никак не вяжущимся с его тщедушной фигуркой, - собрались друзья. И стаканы в круг, и не пить – нельзя...

Всё! Вспомнил! Вспомнил, откуда мне показалась знакомой фамилия Алексея. Ну, конечно же, Швецов! У меня уже месяца два валялась дома книжка стихов, которую я нашёл, не знаю уж у кого, да так и забыл, вернее – не захотел вернуть. И именно это стихотворение я попытался даже положить на музыку и сыграть на гитаре. И что-то, в общем, начало получаться. Но пока о законченной песне говорить было рано. Я метнулся с кухни в комнату и схватил сборничек стихов "Дорога в дождь". Он был раскрыт как раз на этом стихотворении. В заглавии значилось – "Экспромт", а ниже стояло посвящение, набранное жирным шрифтом: Саше Алексееву. Так вот какая "сладкая парочка" забрела ко мне в кухню! Я ведь завидовал доселе этому неведомому мне Саше Алексееву, которому посвящались такие "Экспромты"! И до сего момента никак не связывал встреченных в библиотеке двух мужичков, с одним из которых к тому же учился в одной школе, с настоящей вологодской поэзией. Вот ведь с какими зубрами угодно было свести меня судьбе! До сих пор, дожив уже до седых волос, я просто благодарен ей за это стечение обстоятельств. Не знаю уж, за какие такие дела небо сделало мне такой роскошный подарок: сначала познакомиться с ними, а потом и найти в них самых верных и преданнейших друзей. И почему они, вполне уже состоявшиеся поэты, имеющие немалый вес среди вологодских

литераторов, начали пестовать меня, словно недельного щенка, и выводить на большую литературную стезю. Что такого они во мне увидели? Я ведь тогда был просто одним из многих. Одним из тех, кто по меткому выражению Александра Цыганова, просто "играл в литературу". Может, этому – немало поспособствовал спирт, так удачно преподнесённый мне Сашей Петуховым? Не знаю. Ведь не раз и не два, и до меня и после, они выпивали с "молодыми" из пишущей братии. Но уже ни с кем не сошлись так близко...

Виктор Иванович давно уже ушёл, а мы сидели и пили едва ли не до утра. Лёшка с Сашкой читали свои стихи, я тоже пытался что-то робко прочесть им. Уснули же, где пришлось: Алексеев завис прямо в кухне, удобно примостившись за столом, а Швецов сумел-таки добраться до кресла в комнате. Я, прямо в чём был, рухнул на диван. Разбудили меня голоса и запах сигаретного дыма, доносящийся с кухни. За окном уже было светло. Так, значит, ребята, не дожидаясь меня, проснулись и уже похмелялись.

- Я тут тебе книжку подписал, - заявил Швецов, едва я появился в дверях кухоньки.

Но первым делом я, конечно же, поставил на плиту чайник – без утреннего кофе я не человек. Потом тяпнул поднесённый мне Сашкой спирт, и только уж затем прочитал Лёшкин автограф. "Владельцу спирта - Ломковскому, от потребителя спирта - Швецова!" Жаль, что у меня не сохранился тот экземпляр – не знаю уж, кто его и уволок. А может, и зачитали. По крайней мере, следующий экземпляр я храню, как зеницу ока: "Мы пили здесь! И пьём и будем пить! Нам в этой жизни ничего не изменить. И место встречи изменить нельзя. Скорее на Гагарина, друзья!" Вот, что мне подписал Лёшка. Но было это уже месяцев через семь-восемь. Едва Швецов узнал, что его сборничек безвозвратно канул в Лету,

то тут же принёс новый. А тот, следующий день распития спирта, я помню довольно смутно: о чём мы там говорили, что читали друг другу – не помню. Знаю лишь то, что на следующее утро мне надо было ползти на работу на сутки – я тогда работал охранником в одной из "финансовых пирамид". Пирамида давно развалилась, "папики" сели прочно и надолго, а мы, умные такие и сознательные, продолжали стойко охранять пустой офис, надеясь на то, что когда-нибудь всё наладится, и нам сразу выплатят зарплату за полтора года неусыпной вахты. Увы, мечтам не суждено было сбыться. Так и не выплатили до сей поры ни копейки за наш героический труд.

В общем, уходил я на работу со спокойной душой, зная, что мужики никуда от спирта не сбегут. Так оно и оказалось. Придя на следующее утро домой, я обнаружил дома спящих приятелей и почти пустую "полторашку", сиротливо стоящую на столе среди пепельниц, полных окурков. После утренней опохмелки, ребята сказали, что пошли за пивом и исчезли из моей жизни... на два месяца! Неплохо сходили за пивком! Не помню уж, каким начавшийся через день год, был по восточному календарю, но для меня он начался под знаком спирта. Вся зима прошла в каком-то хмельном угаре. По-моему, Петухов ещё завозил чего-то – точно уже не помню. В библиотеке Алексеев и Швецов упорно не появлялись, и встретил я Сашку только восьмого уже марта. Совершенно случайно, возле стадиона "Витязь". И с момента той встречи, мы с ним уже не расставались до самой его смерти. Подружились так, как только это бывает, когда два человека думают настолько одинаково, и так одинаково чувствуют жизнь, что не дружить просто не могут... Хотя и были мы с ним полные противоположности. Мягкий, лиричный и слабый Сашка, и я – упорный, жёсткий, безапелляционный. И сдружились мы на удивление быстро. Об этом можно даже судить по его автографам в книжках. Вот, подпись на книжечке "Ветер в

подворотне" датированная десятым марта: "На память А. Ломковскому от автора". А вот, как было подписано "Распутье" первого апреля, т.е. всего через двадцать дней: "Ломковскому Александру – собрату по перу, хорошему другу и человеку". Прогресс, что называется, налицо!

Тут следует сказать два слова об аннотации Вячеслава Белкова к "Распутью". Известный вологодский критик пишет в самом начале, что у автора есть в книжке немало точных образных строк. И приводит пример: "И на деревьях бухнут почки. Родильной лености полны". Алекс обескуражено чешет затылок и признаётся мне, что критик не совсем прав. В контексте есть продолжение: "Едва живые ходят кошки, нося большие животы". Так вот, "родильной лености полны" относится именно к кошкам с большими животами, а никак уж не к почкам на деревьях.

После того, как Сашка подарил мне свои две первые книжки, я понял, что всё, что я писал до сих пор – настолько слабо и неинтересно, как патока по сравнению с мёдом. У него и "закат блажит на русском языке", и "с неба летит белоснежное кружево, словно вуаль для уснувшей красавицы", и, как пьянку, он предчувствует смерть. Господи, подумал я, а я-то чем занимаюсь? Где же у меня такие простые и ёмкие строки? Вот же – где настоящая поэзия! Вот целая буря человеческих эмоций и переживаний, но настолько лиричная и живая...

- Знаешь, Алёша, (Иногда я позволял себе называть Сашку Алёшей, мягкое такое производное от Алекса), знаешь, я никакой не поэт, – признался я ему однажды, – вот вы с Лёшкой – да. А я...

- Совсем крыша съехала? – участливо поинтересовался Сашка. – Ты всех ещё нас переплюнешь. Таких лириков, как ты немного. Не зря Галина тебя "французом" обозвала. Да и будь ты нулём – стали бы с тобой возиться?

В общем, я ему тогда не поверил. Но, пытаюсь, хоть как-то не отстать от ребят, начал писать много, а ещё больше - работать над готовыми, казалось уже, произведениями. Шлифовал их, правил, и что называется, буквально вылизывал, убирая всё ненужное и мелкое.

Прошло несколько месяцев, и я решил-ся-таки поменять работу - безденежье давило и плющило. Случайные халтурки не позволяли жить в полном объеме. Устроился на первое почти место, которое мне предложили на бирже занятости - механиком в прачечную детской больницы. Это давало хоть какой-то более-менее стабильный заработок. А Лёшке Швецову в это время, что называется - подфартило. Совсем незадорого он умудрился снять "однушку" на Чернышевского. Алекс зашёл к нему однажды в гости, да и остался там почти на год, а то и больше: вдвоём-то гораздо веселее! Забрёдёшь к ним, бывало, и видишь такую картину: Лёшка сидит в комнате за столом, обложенный листами бумаги по макушку, и что-то яростно строчит в тетради. Алекс торчит в ванной и тоже что-то пишет. Это они так расходились, чтоб не мешать друг другу думать. Едва я заходил, как муки творчества мгновенно прекращались, и тут же возникал животрепещущий вопрос - где найти денег на портвейн? Если у меня с собой ничего не было, то изобретались различные хитрости - от сдачи порожней посуды, до заёма каких-то мелких сумм у соседей. Или поступали проще: шли гулять по центру, где кто-либо из нас обязательно встречал знакомых. Причём, ребята, не стесняясь, заходили даже в Союз писателей, располагавшийся в то время в здании Собеса, и находили денег там. Тогда-то они меня и познакомили с Александром Цыгановым и Виктором Плотниковым - настоящими вологодскими писателями. Они являлись секретарями нашей ячейки союза. Представили меня, как начинающего молодого поэта. В этой формулировке, кстати, не было ничего удивительного: Михаил Сопин, например, даже на восьмом десятке, тоже числился в "молодых" поэтах. После это-

го знакомства я отнёс подборку своих стихов в союз, и - о, чудо! - их неожиданно напечатали в "Русском Севере", чего я никак, естественно, не ожидал. Это дало мне мощный стимул писать дальше - выходит, моё творчество не такое уж и бесталанное. По случаю публикации ребята закатили мне грандиознейшую пьянку. Дальше - больше. Вячеслав Белков взял одно из моих стихотворений, особенно нравившееся Алексу, в альманах "Автограф". И Галина Щеккина тоже включала мои стихи в свои альманахи и пресс-релизы. Жизнь, что называется, забила ключом!

Лёшка тогда какое-то время работал редактором газеты "Политехник". Вот скажу вам - было времечко! У него был даже свой кабинет с телефоном и две девчонки-помощницы. Забрёдем, бывало, с Алексом к нему на работу, поторчим там, позвоним кому-нибудь на халяву, и ползём дальше - Лёшка этой работой очень дорожил и сам на ней не пил, и нам не позволял. Мы, впрочем, и не обижались, прекрасно понимая друга. Найдём энную сумму денег и сядем с бутылочкой портвейна где-нибудь на берегу Золотухи или Вологды. И польются бесконечные разговоры о жизни и о поэзии. Сколько тем мы поднимали с Алексом во время этих посиделок! От бывших жён с дочками, до Николая Рубцова и Сергея Чухина. Мы с ним настолько одинаково чувствовали жизнь, что иногда даже становилось мистически страшновато. Посудите сами: даже ещё не зная ничего друг о друге, мы даже дочек умудрились назвать схожими именами - Сашкину дочь звали Алинкой, мою - Алёнкой! И деревни наши на Комёле располагались рядышком - всего-то в двух километрах друг от друга! Приедет, бывало, Алекс ко мне в деревню отдохнуть: на рыбалку там или за грибами - берём Алёнку и идём из Акифовицы в Починок проводить Алинку. Они маленькие такие обе, бегают там, суется что-то, а

мы с Сашкой – два солидных папаша – сидим на завалинке пятистенка его тестя, покуриваем, разговоры разные говорим... А как мы с ним ходили на рыбалку или по грибы! И, что самое интересное, Алекс неизменно оказывался удачливей меня – то грибов наберёт в таком месте, где они и отродясь-то не росли, а то рыбы надёргает столько, что приходилось заворачивать её в куртку, чтоб отнести домой. Однажды мы с ним навалились на косяк густеры. Это, скажу вам, была не рыбалка, а издевательство! Не успеешь сделать заброс, как тут же и следует поклёвка. И густера шла солидная, не мелочь какая-нибудь. Грамм по триста-четыреста. Отвели душу.

А вот Лёшка ко мне в деревню так ни разу и не выбрался – всё ему что-то мешало постоянно. Жаль, конечно. Сколько бы новых стихов он мог написать об этих лесах, окружающих Акинфовицу. Об этих восьми домах забытой Богом деревеньки...

2

Помню первый мой семинар. Это было в апреле девяносто шестого. Сдал я на "высокую комиссию" несколько распечатанных стихотворений и маленькую такую книжечку стишков, которую сам же и слепил на компе, когда работал охранником. Делать её приходилось ночами, когда в офисе никого не было. Распечатано было всего-то около двадцати экземпляров. По правде сказать – стихов там было мало. В основном – тексты. (Да что говорить: когда я её создавал, то ещё даже не ходил в "Ступени" и не знал никого из поэтической братии. Так что указывать на ошибки было некому). Ночь перед семинаром Сашка с Лёшкой провели у меня. Было выпито очень много портвейна. Утром, однако, я продолжать возлияния отказался, чего нельзя сказать о ребятах. Они с удовольствием засадили ещё бутылку. Предлагали и мне. Но я на своём первом семинаре не хотел ударить в грязь лицом. И поэтому пил только кофе. Собрались, пошли. По дороге они прицепили ещё

пузыря. Было удивительно хорошо идти в центр по апрельским улицам Ковырина. Всё кругом таяло, с неба било солнце, орали воробьи. Ребята вспоминали прошлые семинары, смаковали подробности. Потихоньку закончилась и вторая бутылка. Пацанов здорово заштормило. Тут ещё по пути встретили Юрия Леднева – известного вологодского поэта. Он только улыбался в обширную седую бороду, глядя на Лёшку с Сашкой, выписывающих ногами замысловатые кренделя. Пришли в музей Пантелеева, где и проходил семинар. Походили по залу, поторкались туда-сюда, вышли в фойе. Встретили знакомых. В частности со "Ступеней" там были Галина Щекина, Валера Архипов, Борис Гуляев. Лёшка с Сашкой прибились к группе череповчан. Пошли с ними в туалет. Оттуда выползли едва ли не карачках – видимо, щедрые череповчане угостили друзей водкой. Проходивший мимо Виктор Коротаев, заметил неадекватное состояние приятелей и потребовал уложить их спать. Что и пришлось выполнить. Уложили их прямо в фойе на банкетках. Что и говорить – сходили ребята на семинар! А ведь на том семинаре Лёшку хотели рекомендовать в союз. Было отчего загрустить! Но после семинара проспавшиеся Лёшка с Сашкой, как ни в чём не бывало, отправились в гостиницу "Вологда" спокойно выпивать с приехавшими на семинар поэтами и прозаиками со всей области. Ну, конечно, и я с ними. Вконец одуревшие от вина, мы перемещались из номера в номер, заводили знакомства и пили, пили... В одном номере музицировал под гитару Андрей Широглазов, в другом – Татьяна Жмайло, в третьем я сам пытался что-то сыграть... И все читали стихи. Стихов было множество. Совершенно выбившаяся из ума коридорная смотрела на всё это безобразии ошалевшими глазами и каждые пять минут грозила вызвать милицию. Её успокаивали, что, мол, поэты

гуляют – и она смягчалась. Но через пять минут всё начиналось снова. Под утро уснули, где придётся. Я у какой-то батареи в чьём-то номере, Алекс прямо в коридоре у фикуса, Лёшка на чьей-то кровати, которую у него так и не могли отвоевать законные хозяева. Часов в одиннадцать проснулись, приняли для профилактики и снова всей толпой отправились на продолжение семинара. Что и говорить – семинар получился шикарным! Есть чего вспомнить. Как выступала со своими песнями Таня Жмайло; как читал стихи Валеры Архипова Юрий Малозёмов, когда Виктор Коротаев поинтересовался, помнит ли тот хоть что-нибудь наизусть из его стихов; как я сам впервые робко вылез на сцену и пытался что-то комканомямлить, так, что Вячеслав Белков не выдержал, отобрал у меня книжку и сам прочитал одно из моих стихотворений. Да и как прочитал! Экспансия! Я даже не ожидал, что мои стихи в надлежащем исполнении могут так затронуть зал. Хотя и мне тоже аплодировали череповчане, когда я, подражая уже Белкову, прочитал посвящение Саше Башлачёву... Таким был семинар девяносто шестого года. Потом Сашка с Лёшкой горевали по поводу своих выпиваний. Им сказал "по секрету" Александр Романов, что кроме них на семинаре и принимать в союз было некого. А они в тот день не "соответствовали"... А на следующем семинаре их не приняли снова: тогда уже нашлись более достойные кандидатуры. Да и нельзя, по-моему, быть "вечным семинаристом". Видимо, не выросли, остались на том, прежнем своём уровне... Хотя и выпустили в свет ещё по одной книжке. Но, наверное, этого было мало. Нужно было как можно больше публикаций.

3

Весной девяносто седьмого года я начал активно сотрудничать с газетой "Насон-город". Мне на работу неожиданно позвонила Оля Бурчевская и попросила принести начатую повесть "Дурдом". Повестью заинтересовались Алексей Николаев с Александром Коротаевым. Я отнёс

в редакцию "Вологодской недели" несколько готовых глав. В итоге повесть начали печатать в журнальном варианте в еженедельнике "Насон-город", редактором которого и являлся как раз Николаев. Мне было предложено продолжать работу над повестью. Что я и начал делать. Вставал в пять утра и прямо с дивана прыгал за стол. В семь приходил Сашка Алексеев и прогонял меня на работу. Сам же оставался у меня и с интересом прочитывал написанное. Вечером он обычно приходил ко мне на работу, и домой мы шли вместе, по дороге обсуждая повесть, а также его стихи, сочинённые за день. К тому же я начал регулярно получать гонорары. Что-то около девятист тысяч за номер. Не бог весть, какие деньги, но на подарки дочерям и на бутылочку портвейна в день хватало. Ещё по дороге Алекс неизменно нагибает шампиньонов. Приходя домой мы срочно их жарили – лучшей закуски просто не придумаешь! Дома мы уже более детально обсуждали рукопись. Когда же приходил Швецов, то бутылкой портвейна дело не ограничивалось. Иногда забегал поэт Серёжа Козлов, пишущий под псевдонимом Пиман. С ним мы сошлись после одного из выступлений в общежитии ТКУ, куда нас затащил неугомонный Виктор Иванович. Витя предложил Галине Щекиной показать литартельскую братию в общаге, где он арендовал мастерскую. Поэты выступили. Девчонки хлопали. А мы в итоге узнали Серёжу Козлова. Сергей тогда заканчивал поэму о Степане Разине. Когда он забегал ко мне, то кухня буквально гудела от его звучного голоса – обычно он читал поэму вслух. Алекс и Лёшка указывали ему на какие-то промахи, советовали что-то добавить, но, впрочем, немного – Сергей и сам прекрасно справлялся со своей поэмой.

А Алекса вдруг неожиданно обуял бес рисования. Не помню уж и где, раздобыли мы старенький мольберт,

починили его и установили посреди комнаты. Сашка сходил к Виктору Ивановичу и узнал у него некоторые технические подробности "живописания". Я приволок с работы несколько метров списанного холста, снятого с гладильного пресса – и работа закипела. Сашка начал рисовать, совершенно забросив стихи. Тут надо сказать, что работал он много, неистово, словно боясь чего-то не успеть. И за те несколько лет, что отмерила ему судьба, он создал не один десяток полотен, в основном затем проданных. Остальные же были просто раздарены друзьям. Я разбираюсь в живописи слабенько, на уровне "нравится – не нравится". И никаких там канонов, по которым следует писать картины, не знаю. Не знал этого и Сашка. И пусть Виктор Иванович говорит, что картины неудачные, выполненные против всех правил живописи – они мне, да, в общем, и всем остальным «неискушённому» людям нравятся. Они просто греют. Когда поэт берёт в руки кисть, то его душа работает точно так же, как и в стихах. Так же выплёскивает себя, кричит о мире, заставляет задуматься. Тем более, как мне кажется, Сашка недалеко и ушёл от этих пресловутых "канонов". Пусть он использовал в картинах чёрную краску, что, по мнению Иваныча, считается едва ли не преступлением, так как такого цвета в природе не существует, пусть. Пусть картины чуть наивные, и на них "гуляют", как задний, так и передний планы, пускай. Но зато в каждой картине видишь второе, третье дно и понимаешь, что хотел сказать автор. И вместе с тем там столько недосказанного, о чём приходится лишь догадываться...

Мне кажется, что душа Саши Алексеева тосковала о чём-то огромном, чему и названия-то в нашем мире не придумано. Что-то он пытался донести до нас, хотел, чтоб мы во что-то поверили, стали лучше...

"Оглянись, а где-то сзади жизнь
осталась.
Хоть о чём-нибудь, не в этом дело.
Даже капельку всего, хотя бы
малость,

Надо, чтоб душа всегда болела..."

Конечно же, у него всегда болела душа. Ныла, выла, корчилась в муках. И снимал он эти мучения картинами и стихами. Но только на время. Если это не помогало, то тогда в дело шёл портвейн. Почти на каждой картине у него видишь, как "... по дороге журавлиной вороны серые летят", хотя и нет там никаких ворон. Но это ощущается всеми порами, и ты чувствуешь эту большую, неведомую никому грусть.

Помню, шли мы как-то раз на работу. Алекс вдруг останавливается и долго-долго смотрит на небо.

- Саша, нам никогда не придумать такого восхода, - наконец говорит он мне. - Если я это нарисую, то Иваныч потом скажет, что таких красок не бывает.

Действительно, восход был просто фантастическим! Бутылочно-зелёное какое-то небо с оранжевой полоской встающего вдалеке солнца. А прямо над нами бездонная тёмная-тёмная синь без единого облачка. Мне даже немного стало жутковато. Ведь до этого я шел, и внимания-то не обращал на эту страшную красоту. А Сашка сумел выхватить этот момент. Впрочем, через пять минут солнце поднялось и краски смешались. Но я счастлив до сих пор, что хоть на миг сумел увидеть мир Сашкиными глазами. Мир красивый и жуткий... Если он постоянно видел, хоть раз в день такой мир, то я представляю, что же творилось в его душе. Какие шторма там бушевали. Видеть такую дикую красоту природы и ощущать, как несовершенен и бретен сгусток плоских энергий, зовущихся человеком...

Порисовав месяцев семь-восемь, Алекс забрасывал далеко в угол кисти и краски и вновь принимался за стихи. Когда писал стихи, то отчего-то пил гораздо больше. Видимо, картины в какой-то мере дисциплинировали самосознание. Стихи, вероятно, казались уже пройденным этапом, а

живопись была чем-то новым и необычным, не позволяющим расслабиться. Но, хотя стихи и являлись более привычным и удобным средством говорить с миром, Сашка продолжал их писать мастерски, не теряя, а даже наоборот, приобретая больше лирики, от общения с живописью. Мог совершенно спокойно зайти под утро, часа, может в три-четыре, и прямо с порога огоршить неожиданным вопросом.

- Саша, дай мне рифму к слову - "слабой"...

Я стою, хлопаю спросонья глазами, смотрю на покачивающего Алекса, а в душе уже кипит возмущение от столь раннего визита – через два часа вставать и бежать на работу. Представляете ощущения? Я непроизвольно открываю рот, собираюсь крепко обложить по полной программе раннего визитёра, но потом вспоминаю, что это Алекс. Алёша. Человек не мира сего.

- "Бабой", - бормочу я первую рифму, пришедшую мне в голову, захлопываю дверь и бегу ловить последние остатки сна.

В пять подъём, обязательный кофе и пишущая машинка. Стук клавиш успокаивает, заставляет забыть о внезапном ночном визите. Я с головой уже погружаюсь в повесть. Так и мельтешат в голове Собаки, Ботинки и санитары Ивановы, обитающие у меня на третьем отделении психушки. Ровно в семь раздаётся привычный звонок – пришёл Алекс. Как обычно, минута в минуту. Открываю дверь и бегу снова ставить чайник – Алёша тоже любит кофе. Сидим в кухоньке пьем кофе, и Алекс читает сочинённое ночью стихотворение. Оказывается, с ходу придуманная мной ночью рифма, прекрасно встала на место. Хлопаю его по плечу и убегаю на работу, а он садится за правку "Дурдома". Также он мог спокойно зайти ко мне на работу и отпросить меня с обеда, например, у моей начальницы Галины Николаевны, с которой он был в хороших отношениях. Он даже нарисовал ей парочку картин. Мы шли на высокий берег Содемы, устраивались там и, глядя на быстро бегущую

мутную воду, говорили и говорили. Обо всём и ни о чём сразу. Иногда просто молчали, думая, каждый о своём. Иногда пили. Иногда заходили в гости к его подруге Свете. Она никуда не выходила из дома, потому что у неё были проблемы с ногами. По-моему, она тайно любила Сашку, потому что он был её единственным другом. У него даже есть одно стихотворение посвящённое ей. Только в стихе её зовут Леной, и она по сюжету слепая. Много тем мы обсудили за несколько лет на берегу Содемы. Особенно хорошо там было осенью, в пору листопада. Иной раз там же сочинялись и стихи. Алёша никогда в жизни не расставался со своей сумкой, в которой у него вечно ютились несколько тетрадок и ручек.

4

Как-то раз Галина Щекина издала в "Ступенях" Сашкин пресс-релиз. Это такое небольшое информационное издание. Туда вошли несколько десятков его новых стихов. Сашка с гордостью показал мне "почти книжку". Один экземпляр даже подарил. И мне вдруг пришла в голову мысль, что неплохо было бы порадовать Алекса небольшим сюрпризом. В то время я подрабатывал ночным сторожем в одном охранном агентстве. Дежурил ночь через две. А дежурил как раз в редакции рекламной газеты – не буду говорить какой. Там стоял ксерокс. Грех было не воспользоваться таким случаем. Я сходил к Сергею Козлову и рассказал ему мою идею – сделать Алексу полноценную книжку. Почему именно к Сергею? Объясняю: волею судеб Сергей больше известен в Вологде не как поэт, а как отличный художник-график. Что, по-моему, весьма и весьма несправедливо. Таких стихов, которые пишет Козлов, больше не пишет никто. Можете представить себе поле с булыжниками? Вот, это поле – чистый лист, с которым начинает работать Серёжа.

Он с ужасающим грохотом перекачивает булыжники с места на место, валит их в кучи, подкидывает в небо и забывает ловить. И воочию видишь, что многие эти слова-булыжники выворачиваются из былинной славянской почвы – настолько глубоко работает со словами Козлов. Такое первое впечатление создаётся от его стихов. И вместе с тем многие стихи лиричны. Есть юмористические. Есть целые исторические поэмы. Я уверен в том, что стихи Сергея Козлова со временем займут достойное место в антологии вологодской поэзии. Если, конечно, он начнёт работать на износ. Отдавать всего себя любимому творчеству.

Так вот, пришёл я к Серёге и предложил ему нарисовать несколько коллажей к стихам Алекса. Сергей идеей тут же заинтересовался, загорелся, начал обсуждать, что лучше использовать. Через некоторое время он принёс мне несколько готовых коллажей выполненных тушью. Самым забойным оказался бюст Алекса с торчащими из головы сломанными розами. Я был потрясён и лишний раз убедился в том, что когда поэт берёт в руки перо – он начинает писать стихи изображениями. Всё было здорово! В следующую смену я занялся копированием "Цветов холода". За несколько ночей отксерил штук, может, двадцать. Алекс горячо благодарил нас за подарок и в конце заказал ещё столько же экземпляров. Пришлось делать – не откажешь ведь лучшему другу! Подписал мне Алёша книжку так: "Захолодел я от цветов, преподнесённых мне когда-то. Но за такую дружбу я готов, ещё хотя бы раз остаться братом..."

Есть у меня друг Кузнецов Костя. Сокольский парень, неудачно женившийся в Вологде. Вследствии этого пивший в то время запоями. Представьте себе плотного такого человека, с руками, которыми можно рвать подковы, и с пальцами-сосисками. Представили? Так вот, должен сказать, то, что он вытворяет своими "сосисками" на гитаре – не поддаётся воображению. Пальцы начинают мелькать по грифу с лёгкостью мотыльков, радующихся очередному солнечному

дню. До сих пор мы с Костяном долго и плодотворно сотрудничаем: я даю ему стихи, а он сочиняет на них музыку. Сам же и поёт. Голос у него высокий и сильный. Сейчас он уже выпустил диск с нашими песнями и работает над следующим. Когда Костя познакомился с Алексом, то они долго, всю почти ночь сидели и говорили в кухне. Я успел выспаться перед работой, а они даже и не ложились. Выпили все запасы вина и по дороге на работу раскрутили меня ещё на двадцатку, мотивируя это дело тем, что необходимо купить билеты. Костя решил показать Алексу Сокол. Как потом выяснилось, деньги они проткнули у ближайшего "пивняка", а в Сокол попали "зайцами" на электричке. Да по дороге ещё, вроде бы, заняли денег у Сани Петухова. Алекс был буквально потрясён видом Сухоны. Он, как оказалось, ещё никогда не бывал на таких больших реках. Почти целый день они с Костей проторчали на мосту. После этого, когда бы мы с Алёшей не проходили по мостам, он неизменно признавался мне, что не может смотреть с них на рельсы или на воду – его неудержимо тянуло вниз. Потом, в очередной свой "художественный запой" Сашка по памяти два или три раза нарисовал Сухону. Вот уж действительно, тогда я только понял, что хотел сказать Николай Рубцов, когда писал свои знаменитые строчки: "Много серой воды, много серого неба..." А вот в стихах Алекс сухонской темы так и не коснулся. Может, не успел.

Четвёртую и последнюю книжку – "Разные стихи разных лет", сделала Саше Таня Бычкова. Она работала в библиотеке и находилась в хороших дружеских отношениях с Сашей. Таня – хорошая поэтесса и очень застенчивая девушка, и разговорить её было непросто. А Сашка, вот, сумел. Иногда он забегал к ней в библиотеку и долго с ней разговаривал. Была у него мечта: съездить с ней вместе на

Кубенское озеро посмотреть волны. Но из-за нехватки денег, а, может, и времени, желание это так и не осуществилось. Однажды он принёс ей подборку стихов. Таня и сделала на компьютере книжку. Не помню уж, сколько экземпляров – то ли два, то ли три. Вероятно, планировалось больше, но что-то помешало, не срослось. Потом, когда Галина Щекина организовала на Лито вечер памяти Саши Алексеева, Татьяна так ничего и не смогла сказать о нём. Она произнесла одну-две комканые фразы и заплакала, не в силах вымолвить ни слова больше. Это лучше всяких слов сказало о том, какого человека утратила Вологодская поэзия. После этого эмоционального взрыва на душе стало так горько, что мы махнули рукой на вечер, и, не выдержав, ушли. Мы – это, конечно же, Швецов, я и попавший на этот вечер совершенно случайно музыкант Сергей Рудаков (Муравей). Когда мы с Лёшкой пробирались в ДК, где тогда собиралось Лито, то и встретили Муравья. Он, и сам неплохой поэт, очень ценил Сашкины стихи и дорожил дружбой с ним. Узнав, куда мы идём, Муравей без лишних слов отправился с нами. После нашего – иначе и не назовёшь! – побега с Лито, мы расположились на самом берегу Вологды. Пили дешёвый портвейн и закусывали его батоном. Вот когда начался настоящий "вечер памяти". Мы взахлёб читали Сашкины стихи друг другу и чуть не плакали от этой несправедливой обиды. Муравей даже грозил кулаком в серое мутное небо, как бы обвиняя его в случив-

шемся...

Перечитываю сейчас написанное и будто воочию вижу Сашу Алексеева. И радостно мне вспоминать друга и горько до чёртиков. Для меня его смерть явилась невосполнимой потерей. Как будто из души вырвали солидный кусок. Может, даже, половину. Когда Сашка умер, в Вологде меня не было – я тогда работал в Москве, а когда приехал домой, то только тут и узнал эту горькую печальную весть. Тут же, конечно, уволился, с тем, чтобы больше уже, наверное, никуда не уезжать из Вологды. Лёше Швецову при первой же встрече прямо заявил, что мы с ним осиротели. Лёшка потом неоднократно напоминал мне эти мои слова. А через пол года и сам, не вынеся разлуки, ушёл вслед за Сашкой. Нашли его избитого в какой-то сарайке в Лукьяново. Из души вырвали ещё половину. Когда-то я напишу и о Лёшке. Даже есть первые наметки воспоминаний, называющиеся "Унесённый эпохой". А это книга стихов Саши Алексеева. Наконец-то я собрался объединить все его стихи в один сборник и раздать друзьям. Тогда, может быть, станет ещё понятней его творчество, его любовь к жизни. Его взгляд на нашу родную землю. И пусть его стихи греют ваши души. Может, и вспомните добрым словом Сашу Алексеева. Чтоб его душе стало хоть на минуту теплее.

Александр Ломковский

Сергей Козлов
«Слово памяти»

Как-то робко любим мы поэтов
И зло ликуя, прячемся в слова,
За окном плывут из их сюжетов
Муки творчества и вещая молва.

С. Козлов (Пиман)

9 сентября 2003 года, скоропостижно...
...На душе становится холодно, а разуму обидно за то, что происходит с человеком молодым, а особенно поэтом, в самые зрелые годы и с таким бытовым звучанием – скоропостижно... Строгие линии цифр: 1962 - 2003 гг. Сорок один год. Всё уже в прошлом. Прошло пять лет, как умер Саша Алексеев. Вспоминая те дни, когда я узнал эту ужасную новость, грущу всё чаще и больше. А теперь, с возрастом, приходится более внимательней относиться к каждой мелочи памяти.

Тихо-тихо, нежно, осторожно,
Гроб опустят верные друзья...

Прости, Саша, не смогли. Всё как-то получилось обособленно: наши дороги, работа, семейные дела, все бытовые проблемы и... твоя смерть, о которой мы узнали спустя лишь десять дней. Известие о смерти, поминание, потом

встреча с твоим последним пристанищем на Новомосковском тракте.

Долго искали могилу. День стоял солнечный, и поэтому всё происходящее казалось твоей чёрной шуткой. И с трудом верилось, что всё-таки это не чёрный юмор, а реальная жизнь, ограниченная во времени.

Швецов, Ломковский, Сунцов и я, стояли возле небольшого креста и глупо смотрели на клочок земли, где на глубине лежит тело вологодского Поэта.

"И зачем же осень улыбнулась
грустно?..."

Саша Сунцов достал бутылку хорошего португальского портвейна (как жаль, что ты, так любивший портвейн, не сумел попробовать этой "слезы Португалии"), немного съестного, разлил в разовые стаканчики на пятерых и – за упокой твоей души, Александр. Пусть земля тебе будет пухом!

А душа, видит Бог, одинока.
Пусть летит, мне её не согреть.
Вон уж кладбище видно из окон,
Я, как пьянку, предчувствую
смерть...

На тему предчувствия смерти, мы с ним спорили много раз. Я говорил, что об этом не стоит думать, а он: - Я и не думаю, я просто её чувствую!.. Значит, в этом вопросе, я был ещё далёк от истины пророка своего жития.

Много было горьких, нежных и комических случаев в наших взаимоотношениях. Об этом можно написать книгу. А потом думаешь – нужно ли? Ведь то, что было между нами – это наше бытовое творчество. Обычная дуэль двух поэтов. Он шёл к бронзовому пьедесталу, я пробирался между "булыжников слов". Он был неуловим в мыслях, действиях, его желания можно было предугадать, но не всегда исполнить. Он жил в своём поэтическом мире и никогда не отказывался от весёлого застолья, где его всегда ждали друзья, товарищи и поклонники его творчества.

Мы познакомились с Александром в восьмидесятых годах двадцатого века, вернее нас познакомил Алексей Швецов. В то время я работал на оптико-механическом заводе, а Алексей был у нас редактором газеты "Время" и вёл литературное заводское объединение "Откровение". Я часто заходил в редакцию газеты, так как подрабатывал там по оформлению газетных страниц графическими вставками. Мы много общались с Алексеем, если было свободное от дел время; выходили в курилку и долго спорили о литературе, о заводских и прочих поэтах. Дискуссии приводили иногда к печальным разногласиям. Он, уже известный в вологодских эшелонах литературы человек, а я, обычный маляр, подвизающийся на подкорках поэтического общежития. Но время шло, отношения становились ровными. Однажды он пригласил меня выступить с ним на одном маленьком осеннем празднике. Народу пришло немного, и оттого было чуть грустно и, чтобы как-то взбодриться, мы решили слегка развеять грусть. У меня были деньги, которых вполне хватило на бутылку красного. Придя обратно, увидел сидящего Алексея, а рядом с ним, немного обросшего щетиной молодого человека. Увидев меня, Алексей поднялся со скамейки и, показывая на приятеля рукой, сказал: - Смотри, Серёга, кто нас нашёл – это Саша Алексеев. Ты его ещё не знаешь? А это, Саша, Сергей Козлов, ты его тоже не знаешь! Кстати, пишет что-то вроде стихов...

Мы пожали друг другу руки, открыли бутылку, выпили за знакомство, поэзию, за будущее. Затем читали стихи со сцены. Швецов читал красиво, очаровывая слушателей, да и нас тоже своим чтением. Умел ранить думкой человека, а голос, как эхо, доканчивал начатое. Алексеев читал немного слабее, как бы стесняясь того, что он написал. Одни начинали шушукаться, другие молчали, внимая автору. Я тогда ещё подумал, что Сашкины стихи глубоко индивидуальны, их лучше читать один на один с книжкой, сидя, например, у печки где-нибудь в деревне. Тогда они воспринимаются, как

продолжение мира, в котором живёшь. Стихи явно не на публику. Хотя, хороший чтец-декламатор, может, и завести зал даже такими сугубо лиричными стихотворениями. Что блестяще и доказал Швецов, когда выступил после меня с Сашкиными творениями, как бы оправдываясь за невыразительное декламаторское исполнение своего товарища. Слушатели доброжелательно хлопали в ладоши. После выступления мы шли по городу и о чём-то спорили. Да мало ли о чём! Расставаясь, пообещали встретиться.

Но время категорично к обещаниям. Шли месяцы, мосты разводились на наших дорогах. Я шёл своим путём, немного трагичным, немного комичным, а об Алексеев узнавал от знакомых ребят. Встречи были нечасты, но всегда наполнены смыслом. После того, как он познакомился с Ломковским, видеться стали чаще. В основном на кухне Ломковского. Бывали и какие-то совместные выступления. Однажды узнал, что Сашка начал рисовать. Первые его работы были грустные и немного потусторонние. Я удивлялся всему этому, старался приободрить, но он все равно оставался самим собой. Часто спорил с художником Витей Рыжаковым, и они расставались "при своих ножах". Всё просто: он думал так, видел так – грустно и пастельно. Его живописи я посвятил стихотворение, но когда издавал подборку своих стихов (готовил к изданию книгу "Разговор"), мы с ним сильно повздорили – естественно, что у каждого человека свой взгляд на творчество – из-за его подхода к разработке набросков. Он просто начинал водить карандашом, не обращая внимания на перспективу линейную и воздушную, на пропорции и т.д. Затем брал в руки кисть и красками начинал не писать, а возводить на холсте или кусках ДВП мазками только ему знакомые образы. И это ему почти всегда удавалось. Иногда удачно, иногда своеобразно.

Но это был поэт Алексеев, а не художник. За это можно всё простить. Пусть будет так! В итоге я напечатал стих без посвящения его Алексееву. Я был не прав. И прошу прощения у истории. Я жив, и могу ещё исправить ту наивную ошибку, вызванную непониманием. Вот это стихотворение.

А. Алексееву
от С. Пимана (Козлова)

На ДВП я клею полотно
Неровными кусками,
Где первобытными мазками
Спешу изобразить окно -
Ночь разгрызающее жёлтыми зубами.

В печи играет на полене
Огня разлившаяся киноварь.
Кот, посапывающий на колене,
Безмерно рад хозяйской перемене,
И в чугуне кипит отвар,
Оберегающий от верности к измене.

Стихи влетают
В выдуманный мир
И прячутся за ровными мазками,
Где дышит печь, играя изразцами,
И разомлевший с холода кумир
Молитву путает под образами.

Странно, но факт. Все посвящения написаны, когда мы находились в противоречиях. Самое первое посвящение было написано 13.10.94г. Как раз после встречи на Лито под руководством Г. Щекиной в областной библиотеке. Он пришёл выпивши и долго молча сидел, какой-то тревожный и угрюмый. Кто-то читал свои стихи, не помню, кажется, молодой человек, после чего я его не видел. Когда он дочитал, Галина Щекина предложила выступить всем со своим мнением. Саша и выступил, и очень агрессивно. Впрочем, он никогда не скрывал правды и не лил елей на души начинающих поэтов. Если автор был полным нулём, он так об этом и заявлял. Забыв о человеке читавшем стихи, все дружно ополчились на Алексеева. Он встал и молча, по-английски, ушёл. После его ухода всё измени-

лось. Настроение испортилось. Придя домой, сел и написал посвящение Алексееву.

"Не для обиды"
(Шуточное)

В день похмельного трезвона
В колокольный звон уйду.
К трону вечности канона
Тополиный пух "складу".
И пойду гулять стихами,
Кроя тлен игрою слов,
Уличёнными мечтами
В мир витийствующих снов.

Если буду в преисподней,
Буду бить чертей аж в рог,
Чтобы не творили козни,
Чтоб дышать было свободней
Преступившему порог.

Ну, а если Солнце к сроку
Мне укажет в рай дорогу,
Я поклон отвешу Богу:
- Вот он я, но что в том проку,
Коли выпить не могу?

А пока иду меж смертных,
Разгоняя голубей,
В шатких сумерках вечерних,
Мимо голосов нелестных,
В звон апостольских церквей.

Прочитав его, он вначале обиделся, но впоследствии одобрил и сказал: - Серёга, а я думал, ты просто так, погулять вышел... - и пожал мне руку.

Время шло размеренно. Мы уже знали острые углы наших характеров и старались их обходить. Его стихи становились всё грустней, одиночество угнетало, и даже друзья не могли утешить его душу. Он сладостно уходил в запойную яму, откуда не было лестницы наверх. Странно, но стоя у могилы Алексеева, никто не мог даже в самом ужасном сне представить себе, что, стоящий рядом поэт Лёша Швецов, ляжет через пол года в сорока метрах от Саши. Абсурд судьбы — жестокий и ко-

варный. Я закрою текст словами Саши:
Осталась печаль, но везде понемногу.
И в этой печали нет места слезам.
Мне так нелегко, что не верится Богу.
А как нелегко, знаю только я сам...

Сергей Козлов (Пиман)

Поэтический диптих

А. Алексееву

1

Ночная бабочка по кругу
Летит на свет,
А свет готовит ей услугу,
Даруя смерть.
Так рано умершему другу
Дарю рассвет,
Чтобы душа, летя по кругу,
Нашла и твердь.

Чтобы в скитаниях далёких
Нашла покой,
Не забывая нас, убогих,
В игре с судьбой.
Чтобы из равенства немногих
Стихи строкой,
Не сгнули во власти строгих,
Уйдя с тобой.

А мы, уставшие пииты,
Придя гурьбой,
На место, где землёй сокрыты
Честь и запой,
Раскупорим вино элиты
В гранёный бой
И выпьем за земные титры,
За упокой.

2

В беспечном омуте азарта,
Что умиляет действий бред,
На грубом лоскуте асфальта
Попутно оставляем след.

Отвергая одиночество,
Невидимый рисуем мир,
Оставляя след, как творчество
Потомкам немощных сатир.

Остаются лишь пророчества
В надгробных плитах жития,
И символом угодничества
Коленопреклонённым Я.

Отвергая дань невежества,
У Бога робко попрошу:
- Прости поэта Алексеева,
За то, что не успел... Прошу!

Оглавление

Распутье.....	3	Тетрадь открыта, сядь и напиши	10
Что-то снилось мне русское поле	4	Здесь за кладбищенским забором	10
Что-то снилось мне русское поле	4	Слепой котёнок среди матёрых крыс	11
Этот старый и пустой	4	Смейся, Русь, сильнее, звонче смейся! ..	11
Здравствуй, город промчавшейся юности.....	5	Над городом тучи повисли.....	11
Изба	5	Накинул дождик серый плед	11
Эх, зачем я так часто сворачивал.....	5	Зовущий взгляд не обожжёт	11
Неужели осень? Неужели	6	Давно уже не стало тех.....	12
Ничего не разберёшь	6	Ну, что ж, сегодня не обласкан	12
Мне легко и будто снова, снова	6	Я коней раскормил, не подняться им в гору	12
Жизнь позади и город	6	Позабросив вдохновенье	12
С. Козлову	6	Ночь разбежалась по углам	12
Но смутные настали времена	7	Моя печаль, моё безверье	13
Устав бродить среди улиц	7	Я Вас учил летать сегодня.....	13
Ямщик	7	Я плакать хочу, а приходится петь.....	13
Как можно смеяться в такую погоду?	7	Под утро светят фонари.....	13
Я влюбился, вроде	8	Судьба поставила подножку	13
А Вы опять одна	8	А ветер роскошно листвою сорит	14
В забытой церкви, запертой до срока	8	Летает злая тень судьбы	14
Колодец	8	Последний вечер.....	14
Ну, здравствуй, что ли, невесёлый дом ...	8	Закат	15
В. Дружинину	9	Время ускользает,	15
Не сломит – нет: ни кость, ни плоть	9	Не умею, но как мне верить?	15
Сквозь рыжую осень аллея	9	Молчит запятнанная совесть	15
Опустите сходни моему коню.....	9	Зачем гоню во весь опор	15
Где-то останутся улицы шумные	9	И осела вдруг, будто пьяная	15
На небе вновь отравленные зори	10	Как узнать мне душу? Как вычислить? ..	16
Не торопись, закат негромкий.....	10	Прямо в пыль упали слёзы.....	16
Опять мне что-то странно	10	Музыкант	16

Ах, как хочется бросить камень!	17
В тот вечер я не мог напиться	17
Я что-то замерзаю в тёплом доме	17
Я сегодня пить отказался	17
Вновь печаль усталым вечером	18
Растасуй мне колоду краплёную	18
Эта долгая лунная, зимняя ночь	18
Сомкнулись брови, вспыхнули глаза	19
Одиноко и даже нежно	19
Ты грустишь, я знаю, обо мне	19
Отпустите меня в непогоду	19
Но тлеет жизнь, как будто сигарета	20
Ветер в подворотне.....	21
Усадьба	22
Вновь осень развела	22
Закат (В реке плывёт).....	22
В деревне	23
Замёрзла осень у сырого стога	23
Снег полетел, значит, будет нехолодно	23
Заблужусь среди домов вечерних	23
Тополя	23
Ты мне снишься, город тополиный	24
Уже не первый раз приходит	24
Блаженный	24
В который раз уже понять пытаюсь	24
Фонарь	25
Подкралась ночь, как ласковая кошка... ..	25
Опять напишу невесёлые строки	25
Февраль.....	25
Апрель.....	25
Новогоднее.....	26
Незабудка	26
Леночка	26

Отцветёт, отшумит, как и не было	26
Капал дождь по-своему.....	26
То ли это прихоти, то ли грусть моя.....	27
Ещё с деревьев листья не опали.....	27
Белый снег на белой гриве	27
Я выйду в осень. Снег летит тревожно..	27
В попойках звонких	27
Вологда, сегодня я опять с тобою.....	27
Встреча	28
Тапёр	28
М. Жаравину	28
Там за окном беспризорное утро	28
Прошло беззаботное время.....	28
Н. Клёнову	29
Замело на кладбище дорогу	29
В моей сырой могиле холодно	29
Прощание.....	29
Цветы холода	31
ЧАСТЬ 1.....	32
Е. Л.	32
Вере У.	32
Сегодня дождь по Вологде с утра	33
Осенний парк завешен листопадом.....	33
Дрожат осин краснеющие листья.....	33
Натали	33
На улице пустынной в поздний час	33
В. И. Рыжакову.....	33
В. А.	34
Ты никогда мне не подашь руки.....	34
Короткие слёзы придут и отступят	34
На мою дорогу посвети	34
Заходит утро в мой родимый город.....	35
Измена	35

Вновь проиграл	35	Сегодня снова на дворе весна	42
Н. Н. К.	35	Не сегодня я приду, не сегодня	42
Вы в дом вошли	35	Куда б ни шёл, идти-то надо	42
Вот чистый лист лежит передо мною	35	Вдруг заиграет мятежная скрипка	42
Не вспоминай – обиды не осталось	36	Всё в мире проходит	43
Всё такое родное и близкое	36	Когда я буду очень далеко	43
ЧАСТЬ 2.....	36	На часах кукушка четверть куковала	43
Непостоянство – вот стихия	36	Седая гадалка беду мне пророчит	43
Одна, вторая, третья сигарета	36	«Где ты живёшь? - спроси поэта	43
Кенар.....	37	Разные стихи разных лет.....	44
Я ничего не в силах объяснить	37	ЧАСТЬ 1 ОДИНОКО НА ПРИСТАНИ... .	45
В мой тихий дом ворвались сквозняки..	37	Нетвёрдым шагом спозаранку	45
А. Ломковскому.....	37	Бросив мокрый плащ на стулик	45
Я в тоске, словно ангел бескрылый.....	38	В баре	46
Уходит спать бесстыжая луна	38	Я буду на ветру один стоять	46
Сквозь занавески утро пробивалось	38	Порой не стоит память ворошить	46
Цветы мороза	38	Со своими сиротскими мыслями	46
Я тихое «прости меня» услышал	38	От снов от грёз и от мечтаний.....	46
Ты в дом влетела, как пчела	39	Испорчен я судьбой своею.....	47
Нехорошая.....	39	От жизни взял совсем немного.....	47
Я пил вино. Она мне улыбалась	39	Наташе К.....	47
Опять взошла над Вологдой луна	40	Осень пришла, листья падают	47
Алексею Швецову	40	Ну, что творит со мной бессонница?	47
Распылил куда попало	40	Каким безлюдным мир казался	48
ЧАСТЬ 3.....	40	Мне не забыть. И Вы запомните	48
Здесь когда-то слагались стихи	40	Я видел жизнь в хмельном угаре	48
Наполнен тихим умилением.....	40	Самовлюблённым идиотом	49
Свет фонаря течёт уныло	41	Проводит в ночь	49
Теперь уж Вологда не та	41	Никогда	49
В осеннем тихом, обнесённом сквере...	41	С тобой земля подобна раю.....	50
Уже не жду и больше не мечтаю.....	41	Обыденный устой нарушен.....	50
Не успел названия придумать	42	Слышно в парке, как падает лист	50
Ушло, смешалось многое за годы	42	Перед глазами сонные картины.....	51

Туман над городом серебряный	51
В кустах над речкой неширокой.....	51
Нет, не забыть того, что кончено.....	51
Т.Серяковой.....	52
Как беглый раб, как пес неверный.....	52
Часть 2 ЗА РОДИНУ	52
Загляжусь в эти дали багряные	52
Ива.....	52
Берёзка	53
Закат погожий день пророчит	53
Показался в небе месяц	53
Дочке Алинке	53
Из моего окна Париж не виден	54
В берёзовые косы звёзды вплетены. ...	54
Давно, давно я не был здесь	54
Виденье.....	54

Вновь где-то на гуслях тревожно играет	55
А. Маланину.....	55
Часть 3 ПУСТЬ ОСТАЁТСЯ	55
Где-то женщина есть в этом городе	55
Я уйду, ты останешься с ним	55
Дожди, дожди тоску усугубляют	55
Снова А. Ломковскому.....	56
Ведь не зря же грачи прилетели.....	56
В кругу друзей.....	56
Может, мы с тобой уже не встретимся	56
Что за напасть вьюга кличет?	57
А. Степанычу	57
Красивая девчонка из Заречья.....	57
Александр Ломковский	
"О Саше Алексееве"	58
Сергей Козлов «Слово памяти» ...	69

На заставках использованы копии картин
Александра Алексеева.
Обложка – Сергей Козлов,
Галина Щекина